Третій годъ изданія

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 31 — 1-го января 1903 года. — № 31

ИДЕЙНЫЯ ТРАДИЦИИ И ИДЕЙНЫЯ ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРСКАГО СОЦІАЛИЗМА.

„Не надо полемики!“ кричатъ намъ противники соціалдемократіи изъ другихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ теченій. Надо бороться съ общимъ врагомъ — самодержавіемъ, а не растрачивать силы на „братоубійственную“ войну.

И въ то же время почти каждый номеръ газетъ, издаваемыхъ этими противниками, приноситъ съ собой новое нападеніе на ту или иную идею, составляющую основной элементъ нашего соц.-демократическаго міровоззрѣнія. Люди, видимо, хотятъ „объединенія“ или „сближенія“, но практика политической дѣятельности неудержимо заставляетъ ихъ вырабатывать свою собственную программу, которая стала бы идейнымъ центромъ для сплоченія пробуждающихся силъ тѣхъ классовъ, которыхъ интересы они стремятся выразить. А такъ какъ эти интересы не совпадаютъ съ интересами пролетаріата, такъ какъ, поэтому, политическія партіи, служащія этимъ интересамъ, стоятъ во всѣхъ основныхъ соціально-политическихъ вопросахъ на иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ какую занимаетъ партія пролетаріата, и такъ какъ, по условіямъ русскаго общественнаго развитія послѣднихъ десятилѣтій, партія пролетаріата успѣла раньше другихъ классовыхъ партій опредѣлить основные элементы своего міровоззрѣнія и утвердить ихъ вліяніе на всю революціонную среду, то естественно, что каждый шагъ въ формированіи вновь выступающихъ партій долженъ сопровождаться аттакой на то или иное — программное или тактическое — положеніе пролетарской партіи.

Благодаря всему ходу русскаго политическаго развитія общественныя идеи, выражающія собой классовые интересы русскаго пролетаріата, на время стали достояніемъ всей серьезно-революціонной части русской интеллигенціи. Знаменемъ для всѣхъ серьезныхъ враговъ самодержавія сталъ научный „марксистскій“ соціализмъ — эта идеологія классовой борьбы пролетаріата. Было время — и еще недавно — когда активно бороться съ основами самодержавія можно было только во имя рабочаго движенія. Въ легальной печати и въ ученыхъ обществахъ — конечно, въ обезцвѣченномъ видѣ — марксизмъ задавалъ тонъ всей передовой части интеллигенціи.

Не особенными талантами русскихъ соціалдемократовъ объяснялось это явленіе. Оно коренилось въ томъ фактѣ, что въ эпоху общественной реакціи 15-ти лѣтъ, послѣдовавшихъ за 1 марта, одинъ только русскій пролетаріатъ, какъ классъ, проявилъ политическій смыслъ, одинъ только онъ неудержимо развивался и оказался способнымъ не только вести общественную борьбу, но и — въ силу этого — поглощать общественныя симпатіи всѣхъ активно революціонныхъ элементовъ, выдѣлявшихся нашимъ обществомъ. Старый русскій соціализмъ, разбитый на голову въ лицѣ Нар. Воли, не могъ уже возродиться въ видѣ особаго политическаго направленія внѣклассовой интеллигенціи, отражавшей въ своихъ воззрѣніяхъ интересы еще не диференцировавшейся, еще не разложившейся массы „трудящагося народа“. Вмѣстѣ съ этой не дифференцированной массой, которую капитализмъ быстро разлагалъ на мелкую буржуазію и пролетаріатъ, исчезла и соціальная почва для стараго народническаго соціализма. Интеллигенція, тяготѣвшая къ еще не пролетаризированной массѣ „народа“, все болѣе пропитывалась мелкобуржуазными взглядами и въ эпоху общественной реакціи все болѣе подпадала подъ вліяніе буржуазнаго либерализма. Подъ флагомъ „традицій 70-хъ годовъ“ эта интеллигенція къ 90-мъ годамъ сохранила чисто-буржуазную программу крошечныхъ соціальныхъ реформъ для „спасенія“ кустаря и крестьянина отъ впаденія въ пролетаріатъ, т. е. въ сущности, отъ присоединенія къ классовой борьбѣ пролетаріата. По мѣрѣ того, какъ эта классовая борьба росла и крѣпла, демократическая интеллигенція вынуждалась занять опредѣленное положеніе на сторонѣ того или другого класса, — и революціонная ея часть усваивала идеи научнаго соціализма, а нереволюціонная масса навсегда прощалась съ соціализмомъ, плетясь во хвостѣ либеральной буржуазіи съ ея платоническими вздохами о конституціи и съ ея вѣрой въ соціальное чудо грошовыхъ реформъ.

И въ то время, какъ почтенные „хранители завѣтовъ Желябовыхъ и Перовскихъ“, болтая о террорѣ и ворча по поводу „узости“ и „черствости“ соц.-демократической программы, тихо-смирно сидѣли по провинціальнымъ уголкамъ, ограничивая свою „политическую“ дѣятельность содѣйствіемъ всякимъ „культурнымъ начинаніямъ“ либеральныхъ пѣнкоснимателей, въ то время, какъ въ унисонъ съ либералами они хныкали по поводу „безъидейности молодого поколѣнія“, — это самое молодое поколѣніе дѣлало единственно-революціонное дѣло, шло „въ народъ“, въ фабричную среду и — часто неумѣло, часто примитивно-кустарными способами, безъ какого бы то ни было опыта, безъ знанія объ опытѣ своихъ предшественниковъ, — неуклонно все же сѣяло въ широкихъ массахъ пролетаріата жажду борьбы съ современной дѣйствительностью и возбуждало въ нихъ стремленіе къ классовой организаціи. Тысячи рабочихъ и интеллигентовъ должны были наполнить собою тюрьмы и мѣста ссылки, чтобы вырвать страну изъ того состоянія безнадежнаго унынія и политической придавленности, въ которомъ мы, русскіе соц.-демократы, получили ее въ наслѣдіе отъ нашихъ политическихъ предшественниковъ.

Такимъ образомъ, когда подъ вліяніемъ той же классовой борьбы русскаго пролетаріата радикально измѣнилась вся атмосфера нашей общественной жизни, когда революціонное броженіе, созданное этой борьбой, стало выдвигать на политическую арену новые и новые общественные слои, къ этому времени въ русской интеллигенціи сложилась довольно прочная идейная традиція пролетарскаго соціализма, и всякій шагъ по пути образованія новыхъ партій, которыя выразили бы интересы не-пролетарскихъ классовъ, могъ совершаться только за счетъ этой традиціи, только путемъ вытравленія ея изъ сознанія революціонно-настроенныхъ элементовъ.

Открытому политическому выступленію новыхъ общественныхъ силъ всегда предшествуетъ чисто-идейная борьба, расчищающая имъ дорогу. Отраженное вліяніе пролетарскаго движенія на массу демократіи и на либеральную буржуазію проявлялось еще только въ первомъ обще-студенческомъ движеніи зимы 1898-99 годовъ и въ оживленіи оппозиціоннаго теченія въ земствахъ, когда въ „передовой“ нашей литературѣ начался открытый походъ противъ пролетарскаго соціализма подъ знаменемъ „критики марксизма“ или бернштейніанства.

Появленіе этой новой струи не означало — какъ казалось ея апостоламъ, — что мысль русскаго интеллигента переросла „узкія“ рамки удовлетворившаго ее на время пролетарскаго ученія. Этотъ фактъ означалъ только, что подъ вліяніемъ освѣжающей струи, внесенной въ русскую жизнь борьбой пролетаріата, политическое броженіе охватило настолько широкіе общественные слои, что создалась уже почва для новаго оживленія буржуазныхъ и мелкобуржуазныхъ программъ, что буржуазный либерализмъ и мелкобуржуазная демократія могла уже пытаться отколоться въ самостоятельныя политическія партіи.

Противъ партіи пролетаріата крупная и мелкая, эксплуатирующая капиталистическое развитіе и угнетенная имъ, буржуазія связана общей солидарностью интересовъ имущихъ противъ интересовъ неимущихъ. Противъ революціонной въ истинномъ смыслѣ слова программы соц.-демократовъ солидарно выступили идеологическіе представители русскаго либерализма и русскаго демократизма. „Критика“ объединила русскихъ „бернштейніанцевъ“ лагеря Струве съ народниками „Русскаго Богатства“. Исторической задачей „критическаго“ похода противъ пролетарской „догмы“ было отнять у пролетаріата часть примкнувшихъ къ нему демократическихъ элементовъ („интеллигенціи“). Изъ этой добычи вербуютъ себѣ нынче послѣдователей наши либеральная и „соц.-революціонная“ партіи. И по мѣрѣ того, какъ онѣ становятся на собственныя ноги, онѣ должны все болѣе энергично подчеркивать тѣ своеобразныя положенія своихъ программъ, которыя вырываютъ непроходимую пропасть между ними и партіей пролетаріата. Пока еще онѣ прикрываютъ эти свои шаги умилительными рѣчами объ общности ближайшихъ задачъ и т. п., завтра, когда онѣ почувствуютъ себя достаточно сильными, чтобы задаться прямой цѣлью уничтожить соціалдемократію, какъ самостоятельную партію русскаго пролетаріата, — завтра онѣ отбросятъ эти рѣчи и поведутъ съ нами войну „по настоящему“. Ибо существованіе такой партіи не въ интересахъ тѣхъ классовъ, интересы которыхъ выражаютъ эти партіи*).

Мы не должны дожидаться этого завтрашняго дня, чтобы начать борьбу противъ тѣхъ идей упомянутыхъ партій, которыя являются или могутъ явиться факторами, подтачивающими силу классового движенія пролетаріата. Для развитія этого классового движенія пролетаріата необходимо постоянное развитіе его самосознанія. А дѣло развитія классового самосознанія пролетаріата требуетъ критическаго отношенія ко всѣмъ и всякимъ общественнымъ программамъ, изъ какихъ бы классовъ таковыя ни выходили: оно требуетъ со стороны политическихъ представителей пролетаріата дѣятельнаго вмѣшательства въ процессъ выработки циркулирующихъ въ прогрессивной части общества политическихъ идей, дабы ни одна живая революціонная сила не была поглощена нереволюціоннымъ по существу движеніемъ, дабы ни одна частица собственныхъ силъ пролетаріата не была отвлечена въ сторону преслѣдованія безсмысленныхъ или реакціонныхъ задачъ.

Въ этомъ — оправданіе той борьбы за чистоту „догмы“, которая такъ часто ставится въ упрекъ намъ, революціоннымъ соц.-демократамъ. Въ этомъ — оправданіе нашей „принципіальной неуживчивости“ и нашей столь многимъ нелюбезной склонности къ „теоретизированію“ въ „наше время, когда“... когда всѣ не-пролетарскія партіи такъ кровно заинтересованы въ томъ, чтобы живыя силы русской революціи бросились вырывать у царизма политическую свободу, не имѣя ни собственнаго „плана“ политической борьбы, ни собственной активно-защищаемой политической программы. Мы не только не перестанемъ „теоретизировать“, но мы усиленно будемъ звать къ „теоріи“ всѣ живыя силы революціи, напоминая имъ, что цѣльное соціально-политическое міровоззрѣніе есть тотъ цементъ, которымъ активныя силы угнетеннаго общественнаго класса сплачиваются въ политическую партію.

Всѣ жалуются, что „людей много, и въ то же время людей нѣтъ“, что развитію революціоннаго броженія вширь не соотвѣтствуетъ ростъ умѣлыхъ руководителей движенія; что стихійно прорывающіяся вспышки пролетарской борьбы остаются неиспользованными для цѣлей агитаціи и политической организаціи. Но нужныя русскому пролетаріату агитаторскія и организаторскія силы не могутъ въ достаточномъ количествѣ выработаться на одной практикѣ нашей „будничной“ работы, такъ безжалостно втиснутой проклятымъ абсолютизмомъ въ рамки почти сектантской кружковщины. Эта практика должна дополняться не только возможно частымъ выступленіемъ революціонныхъ организацій на арену открытой общественной борьбы, но и постояннымъ развитіемъ политической жизни въ нашихъ тайныхъ организаціяхъ, во всѣхъ группахъ и кружкахъ, составляющихъ нашу партію и тяготѣющихъ къ ней. Учить другихъ и самимъ учиться политической наукѣ, т. е. наукѣ разбираться въ выдвигаемыхъ общественнымъ движеніемъ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ — это такое дѣло соц.-демократа, которое онъ не можетъ запустить ни для какихъ „практическихъ“ задачъ, иначе онъ нанесетъ ущербъ этимъ самымъ практическимъ задачамъ. И той рабочей и интеллигентной молодежи, которая несетъ на себѣ главное бремя нашей революціонной работы, мы не устанемъ повторять: вопреки всѣмъ стихіямъ, вопреки всѣмъ — хорошо намъ извѣстнымъ — трудностямъ вашей практической работы, отвоевывайте себѣ время и силы для выработки того главнаго орудія, безъ котораго вы безсильны будете служить своему знамени, — оружія революціоннаго міровоззрѣнія, революціонной программы. Помните, что въ моментъ, когда будетъ происходить ликвидація теперешняго, въ сущности подготовительнаго періода нашего движенія, когда на расчищенной отъ самодержавія аренѣ будетъ происходить открытая классовая борьба между враждебными соціальными силами, — что въ этотъ моментъ будетъ поздно искать отвѣта на вопросы, которые задастъ пролетаріату жизнь, — будетъ время безъ остатка отдать свои силы на борьбу за отвѣты, уже найденные.

---

*) Это не значитъ, чтобы либералы или соц.-революціонеры были заинтересованы въ уничтоженіи рабочаго движенія. И та, и другая партія понимаютъ, что въ ихъ собственныхъ интересахъ его усиленіе. Онѣ лишь заинтересованы въ томъ, чтобы пролетаріатъ не выдѣлялся въ особую политическую партію съ своей классовой программой.

ЗНАКОМЫЯ РѢЧИ.

Кто читаетъ „Освобожденіе“, тотъ помнитъ, вѣроятно, въ № 7 этого журнала статью земскаго гласнаго г. Т. озаглавленную „Мирная оппозиція или революціонная борьба?“ Въ каждомъ революціонерѣ эта статья неизбѣжно вызываетъ пожеланіе: вотъ кабы побольше было земцевъ, думающихъ и чувствующихъ, какъ г. Т., такъ ярко отличающійся отъ трезвенныхъ и осмотрительныхъ земскихъ голосовъ, обыкновенно раздающихся въ „Освобожденіи“. Въ № 12 этого журнала одинъ изъ такихъ голосовъ — самый осмотрительный — дѣлаетъ г. Т. „серьезныя“ (по его собственному убѣжденію) возраженія. Странное впечатлѣніе производитъ эта статья („Голосъ изъ земства“ за подписью „Гласный“) при первомъ бѣгломъ просмотрѣ: впечатлѣніе чего-то давнымъ-давно знакомаго чуть не наизусть, чего-то чрезвычайно типичнаго и въ то же время несерьезнаго. Если попытаться всмотрѣться въ это впечатлѣніе, то въ головѣ начинаетъ мелькать цѣлый рядъ какъ литературныхъ, такъ и личныхъ воспоминаній, отъ „Либерала на rendez-vous“ Чернышевскаго, различныхъ мѣстъ изъ Щедрина, множества второстепенныхъ лицъ изъ различныхъ романовъ и повѣстей, до подлинныхъ рѣчей солидныхъ и осмотрительныхъ, чуть-чуть либеральныхъ практиковъ, читающихъ обиженно-кислымъ тономъ не то нотацію своему несолидному, обыкновенно младшему по возрасту слушателю, не то панегирикъ своимъ собственнымъ достоинствамъ, въ непризнаніи которыхъ заподозрѣнъ собесѣдникъ. Эти рѣчи типичны вовсе не для однихъ земцевъ. Другимъ слогомъ, съ другими данными, но съ тѣмъ же духомъ ихъ можно услышать во всякой другой „просвѣщенной“ средѣ. Но какъ ни часто слышатся эти рѣчи, въ серьезъ ихъ обыкновенно не принимаютъ. Въ литературѣ онѣ никогда не вкладываются въ уста положительныхъ типовъ. Въ качествѣ положительныхъ рѣчей онѣ не годятся ни для вѣрноподданнической, ни для оппозиціонной печати. Для первой онѣ недостаточно реакціонны, для второй слишкомъ консервативны. Онѣ „не холодны и не горячи“, и поэтому всякое хоть чуть-чуть опредѣленное направленіе не можетъ не „изблевать“ ихъ, какъ это и въ священномъ писаніи сказано. Но по своей распространенности, онѣ все же представляютъ собою нѣкоторую безсильную силу, ослабляющую, какъ сырость въ воздухѣ, силу „пожара“, о которомъ говоритъ г-нъ Т. Прислушаемся же къ одной изъ такихъ рѣчей, раздающейся на этотъ разъ съ необычной для нихъ трибуны свободнаго органа, редакторъ котораго рекомендуетъ ее въ качествѣ статьи „обильной мѣткими замѣчаніями“.

Приступая къ возраженію, авторъ „Голоса изъ земства“ прежде всего поднимаетъ одно личное замѣчаніе г. Т. Указывая своимъ земскимъ коллегамъ на все громадное значеніе начинающагося въ Россіи революціоннаго „пожара“, подъ дѣйствіемъ котораго „оппозиціонныя убѣжденія превращаются въ неудержимую потребность дѣйствовать“, г. Т. замѣчаетъ, что и его собственное „политическое воспитаніе“ завершилось подъ впечатлѣніемъ демонстрацій. Авторъ статьи „Голосъ изъ земства“ спѣшитъ, въ видѣ возраженія, сообщить данныя о своемъ собственномъ политическомъ воспитаніи. Ему для завершенія курса этого воспитанія никакихъ демонстрацій не понадобилось, а было „вполнѣ достаточно прочно сложившагося убѣжденія въ совершенной несовмѣстимости самодержавнаго строя съ современными потребностями русскаго общества“. Только такое убѣжденіе, поучаетъ онъ, и „можетъ создать ту Ганнибаловскую ненависть, при которой единственно возможна долгая и упорная борьба“.

За то при ненависти борьба, очевидно, возможна и вдобавокъ, болѣе долгая и упорная, чѣмъ у тѣхъ, которые получили менѣе солидное воспитаніе? Ничуть не бывало! Это такъ только вступленіе („мы, молодой человѣкъ, не такъ воспитывались, мы это лучше васъ знаемъ“ и проч.), а борьба, по мнѣнію автора „Голоса изъ земства“, совершенно невозможна, если не называть борьбой прошенія. Въ опроверженіе словъ г. Т., что „конституціи не выпрашиваютъ, а берутъ“, онъ снова ссылается на собственный опытъ земскаго гласнаго, пережившаго всѣ земскія „реформы Александра III“ и ни разу не видѣвшаго возможности бороться чѣмъ-либо инымъ, кромѣ прошеній. Но вѣдь реформы были произведены полностью и, повидимому, изъ собственнаго опыта г. „Гласнаго“ слѣдуетъ, что при отсутствіи революціоннаго „пожара“ нельзя „выпросить“ простой остановки „реформъ“, не говоря уже о новыхъ поблажкахъ. Но читатель сильно ошибется, если вообразитъ, что тотъ же выводъ сдѣлалъ и г. „Гласный“. Пригласивъ г. Т. „смотрѣть на положеніе вещей спокойно“ и „подсчитать силы“, онъ неожиданно объявляетъ, что „ходатайствами достигнуто уже многое“. А именно? „Невведеніе“ медицинскаго устава и непримѣненіе наказа Боголѣпова служатъ „блестящимъ доказательствомъ“ плодотворности ходатайствъ. Земство и впредь не должно сворачивать съ пути, на которомъ уже достигнуты такіе результаты. Г. „Гласный“ желалъ бы только, чтобы земскія ходатайства, „не измѣняя своей традиціонной формѣ“, продолжая пріурочиваться „къ потребностямъ даннаго района, уѣзда или губерніи“, становились болѣе категорическими по существу и подавались единодушнѣе. Другой роли для земства, по убѣжденію г. „Гласнаго“, „быть не можетъ“.

И г. Т., страстно призывая земскихъ дѣятелей принять участіе въ освободительной борьбѣ, допускаетъ мысль, что они останутся при своей традиціи и выйдутъ сказать свое „вѣское слово“ лишь послѣ крушенія стараго политическаго строя. „Но врядъ-ли такая роль птицъ небесныхъ, собирающихъ тамъ, гдѣ не сѣяли, говоритъ онъ, принесетъ много гражданской чести представителямъ земли“. Нравственной силы и красоты въ такомъ поведеніи онъ не видитъ.

Вотъ эти то заключительныя слова статьи г. Т. и вызвали, повидимому, къ жизни всю статью г. „Гласнаго“. Въ его глазахъ та роль мирныхъ тружениковъ въ немирное время, которая такъ возмущаетъ г. Т., является самой почтенной и достойной гг. земцевъ. Кѣмъ и какъ будетъ произведенъ въ Россіи государственный переворотъ, это, думаетъ г. „Гласный“, еще неизвѣстно, земство же уже и теперь своей прошлой и настоящей дѣятельностью „завоевало себѣ почетное мѣсто... въ дѣлѣ политическаго освобожденія Россіи“. А въ будущемъ, когда переворотъ совершится, именно отъ земцевъ, воспитанныхъ въ „школахъ парламентаризма“ (какъ называетъ реакціонная печать земскія собранія) „можно всего больше... ожидать необходимой осмотрительности и умѣнія при введеніи въ жизнь новаго политическаго строя... А что касается красоты и силы... ихъ не меньше въ мало замѣтной тяжелой и суровой работѣ земскаго труженика, чѣмъ въ яркой роли политическаго мученика“.

Странное противопоставленіе. „Мученичество“ — не роль, а личныя послѣдствія не мирнаго труда, какъ бываютъ послѣдствія — пріятныя или непріятныя — и у мирнаго труженичества: заработанный достатокъ или пріобрѣтенная въ трудахъ болѣзнь. Во всякомъ случаѣ активная „роль“ въ политическихъ преслѣдованіяхъ принадлежитъ не „мученику“, а правительству, которое часто мучаетъ людей, не успѣвшихъ сдѣлать ему никакого зла, и не можетъ поймать (правда, рѣже) и замучить своихъ активныхъ враговъ. Роль мирнаго земскаго труженика можетъ быть законнымъ образомъ противопоставлена лишь роли труженика не мирнаго — борца, воина. Какая же роль въ моментъ борьбы красивѣе для людей, „убѣжденныхъ въ несовмѣстимости самодержавія съ потребностями Россіи“? Требуетъ-ли такое убѣжденіе присоединенія къ борьбѣ (при чемъ для публичнаго выраженія своего убѣжденія земцамъ нѣтъ надобности выходить на улицу, какъ иронизируетъ г. „Гласный“: у нихъ есть для этого болѣе удобная арена) или совмѣстимо съ мирнымъ продолженіемъ въ военное время традиціоннаго труженичества подъ сѣнію самодержавія? Въ какой роли больше нравственной красоты и силы? Дѣло вкуса, а вкусъ всецѣло обусловливается положеніемъ въ борьбѣ, отношеніемъ къ этой борьбѣ того, кто оцѣниваетъ.

Какъ ни узка сфера земскаго труженичества, всякій признаетъ, что луженые рукомойники все же лучше нелуженыхъ. Само по себѣ, безотносительно къ борьбѣ, это труженичество также почтенно и необходимо, какъ и заводская работа тружениковъ, выдѣлывающихъ рукомойники, какъ чтеніе и слушаніе лекцій, приготовляющихъ докторовъ для земскихъ больницъ. Въ обычное время всякій добрый человѣкъ можетъ только пожелать успѣха всѣмъ этимъ трудамъ. Но началась борьба, и оцѣнка сразу мѣняется. Труженики изъ числа студентовъ, продолжающіе слушать лекціи во время забастовки, профессора, продолжающіе читать ихъ, тотчасъ же пріобрѣтаютъ симпатіи правительства и живѣйшее отвращеніе какъ протестующихъ студентовъ, такъ и сочувствующей имъ публики. Тоже съ рабочими, желающими трудиться, когда ихъ товарищи вступили въ борьбу, — этихъ иногда бьютъ. И это вовсе не такого рода „нетерпимость“, которой могло бы и не быть. Какъ ни солидна земская среда, но и она не застрахована отъ этихъ чувствъ, хотя здѣсь они выразились бы, конечно, дипломатичнѣе. Если бы изъ людей, какъ г. Т., завершившихъ свое политическое воспитаніе въ атмосферѣ современной борьбы, и изъ такихъ стариковъ, которымъ политическая атмосфера ихъ молодости помогла понять всю громадную важность теперешняго момента, образовалась партія борьбы, восьмидесятники-же, вступившіе въ жизнь въ моментъ общественной реакціи и не видавшіе ничего выше „малыхъ дѣлъ“ и холоднаго „подсчета силъ“, (въ которомъ пропущена сила революціоннаго подъема, „вызывающаго неудержимую потребность дѣйствовать“), рѣшили остаться при своихъ малыхъ дѣлахъ и большой осмотрительности, то и въ земской средѣ неизбѣжно произошло бы самое рѣзкое расхожденіе во взаимной оцѣнкѣ общественнаго поведенія обѣихъ партій и распространилось бы на всю окружающую среду. Правительство сразу поняло бы всю „красоту и силу“ земскаго „труженичества“, сравнивъ его съ безобразіемъ борьбы, вся же освобождающаяся Россія произвела бы діаметрально противоположную оцѣнку. А если бы все земство — чего, мы надѣемся, не случится — воспользовалось бы совершающейся внѣ его революціонной борьбой лишь для того, чтобы выпросить непримѣненія кое-какихъ частныхъ мѣропріятій, приберегая силы къ моменту „введенія въ жизнь новаго политическаго строя“, то весьма возможно, что тогда-то именно вся накопленная имъ осмотрительность и осталась бы безъ примѣненія. Чтобы направлять въ такое время жизнь только-что освободившейся страны, нужны симпатіи населенія, необходимо его довѣріе. А земцы стали бы къ волнующейся странѣ въ то же положеніе, въ какое становится слишкомъ осмотрительный студентъ къ своимъ неосмотрительнымъ товарищамъ и возбудили того же рода чувства. Такимъ образомъ, ихъ великая осмотрительность оказалась бы въ концѣ концовъ неосмотрительной.

А редакція „Освобожденія“? Напечатавъ въ № 7 статью г. Т. и похваливъ его за страстность и искренность, она прибавляетъ, что „на многое смотритъ иначе, чѣмъ авторъ статьи“ и обѣщается вернуться къ затронутымъ имъ вопросамъ въ слѣдующемъ номерѣ. Ни въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ до самаго 12-го о статьѣ г. Т. рѣчи не было. За то въ № 11 „Освобожденія“, предложивъ либеральнымъ элементамъ русскаго общества взять лозунгомъ борьбы созваніе Земскаго Собора, г. Струве утверждаетъ, что когда (г. Струве пишетъ: „если“) правительство отвѣтитъ на это требованіе отказомъ и насиліемъ, то „боевой кличъ: долой самодержавіе! неизбѣжно и окончательно станетъ всеобщимъ лозунгомъ національнаго освобожденія“. Именно этого присоединенія либеральныхъ элементовъ къ революціонному лозунгу требовалъ прежде всего и г. Т. Но вотъ въ 12 № появляется, безъ всякихъ оговорокъ о несогласіи и съ рекомендаціей редакціи, ворчливый отвѣтъ г. „Гласнаго“, и въ полной гармоніи съ нимъ въ редакціонной статьѣ программа борьбы вдругъ замѣняется старо-мужицкой мечтой сказать царю правду. Она такъ проста и потрясающа, мечтаетъ редакторъ „Освобожденія“, что „не понять ея огромнаго и ужаснаго смысла могъ бы только Павелъ I“.

А вотъ не понялъ же авторъ статьи „Голосъ изъ земства“ всего огромнаго значенія современнаго момента, не умѣетъ же отличить его отъ царствованія Александра III и не хочетъ разстаться со старой традиціей. На какомъ же основаніи можно ждать отъ Николая II большей понятливости и меньшей преданности традиціямъ, чѣмъ отъ г. „Гласнаго“, который читаетъ „Освобожденіе“ и съ Павломъ I не имѣетъ ровно ничего общаго?

МОСКОВСКІЕ ЗУБАТОВЦЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 345, отъ 15 дек. 1902 г.) помѣщено „письмо къ издателю“ рабочаго Ф. А. Слѣпова, которое мы перепечатываемъ цѣликомъ ниже. Во-первыхъ, намъ хочется поощрить нашего почтеннѣйшаго „собрата по перу“, г. редактора „М. Вѣд.“ Грингмута, помѣстившаго столь интересный документъ. А въ поощреніи г. Грингмутъ, несомнѣнно, нуждается, ибо его высокополезная дѣятельность по доставленію (и освѣщенію) матеріала для революціонной агитаціи за послѣднее время какъ то ослабѣла, потускнѣла... задора стало меньше. Стараться надо больше, коллега! Во-вторыхъ, петербургскимъ рабочимъ въ высшей степени важно теперь слѣдить за каждымъ шагомъ зубатовщины, регулярнѣе собирать, шире распространять и обстоятельнѣе разъяснять всѣмъ и каждому свѣдѣнія о томъ, какъ обнявшіеся съ шпіонами рабочіе бесѣдуютъ съ бывшими, настоящими и будущими генералами, великосвѣтскими дамами и „истинно-русскими“ интеллигентами.

Вотъ это письмо, которое мы снабжаемъ нѣкоторыми примѣчаніями въ скобкахъ:

„М. Г. Не найдете-ли вы возможнымъ напечатать въ уважаемыхъ истинно-Русскими людьми „Моск. Вѣдомостяхъ“ слѣдующее:

10 числа текущаго мѣсяца въ Петербургѣ, въ помѣщеніи „Рус. Собранія“, происходило засѣданіе членовъ Совѣта названнаго „Русскаго Собранія“, посвященное исключительно вопросамъ, касающимся быта русскихъ заводско-фабричныхъ рабочихъ. — Изъ наиболѣе видныхъ представителей петербургскаго общества были слѣдующія лица: бывшій помощникъ Варшавскаго генералъ-губернатора генералъ К. В. Комаровъ, генералъ-контролеръ А. В. Васильевъ, полковникъ А. П. Веретенниковъ, графъ Апраксинъ, бывшій Кіевскій генералъ-губернаторъ, графъ А. П. Игнатьевъ, графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, генералъ Забудскій, адмиралъ Назимовъ, Николай Вячеславичъ фонъ-Плеве, членъ Совѣта при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія И. П. Хрущовъ, профессоръ Генеральнаго Штаба Золотаревъ, В. С. Кривенко, гр. Н. Ѳ. Гейденъ, ген. Демьяненковъ, протоіерей Орнасскій и др. представители церкви; были также дамы великосвѣтскаго петербургскаго общества, а также изъ Городского управленія — городской голова Леляновъ и гласный Дехтеревъ. Изъ представителей печати В. В. Комаровъ, редакторъ „Свѣта“, В. А. Величко, редакторъ „Русскаго Вѣстника“, Сыромятниковъ, сотрудникъ „Новаго Времени, К. К. Случевскій, бывшій редакторъ „Правительственнаго Вѣстника“, Лейкинъ, редакторъ-издатель журн. „Осколки“, художникъ Каразинъ и др. — Засѣданіе открылось чтеніемъ доклада о положеніи рабочихъ заводско-фабричной промышленности, каковой былъ прочитанъ рабочимъ И. С. Соколовымъ (см. о немъ въ № 30 „Искры“, гдѣ данъ, со словъ „Свѣта“, болѣе полный списокъ петербургскихъ рабочихъ-зубатовцевъ. Ред.). Докладчикъ главнымъ образомъ выяснилъ современное состояніе рабочаго класса въ промышленныхъ городахъ, ихъ нужды матеріальныя и духовныя, ихъ стремленія къ знанію и т. д. (Жаль, что не напечатанъ докладъ г. Соколова! Интересно бы посмотрѣть, какъ онъ могъ „выяснить“ стремленія рабочихъ къ знанію, не говоря о полицейской травлѣ этого стремленія. Ред.). Затѣмъ представители рабочихъ Москвы (не правильнѣе-ли было сказать: представители моск. Охраннаго Отдѣленія? Не на полицейскія-ли денежки и съѣздили Вы съ Вашими товарищами въ Питеръ, г. Слѣповъ? Ред.), въ числѣ которыхъ былъ и я, также имѣли честь присутствовать на засѣданіи „Русскаго Собранія“ и докладывать почтенному собранію о положеніи дѣлъ въ рабочемъ мірѣ Москвы. Въ своемъ докладѣ мы, прежде всего, выразили глубокую благодарность отъ имени русскихъ рабочихъ членамъ „Русскаго Собранія“ за то, что они допустили ихъ представителей выяснить то состояніе, въ которомъ находится въ настоящее время рабочій классъ въ Россіи. Далѣе мы просили представителей высшаго русскаго общества обратить серіозное вниманіе на образованіе русскихъ рабочихъ (ну, конечно! Именно отъ высшихъ классовъ надо ждать рабочему образованія — посредствомъ нагайки, вѣроятно! Ред.), находящееся далеко не въ удовлетворительномъ видѣ, чѣмъ съ успѣхомъ пользуются злонамѣренныя личности для проведенія соціалистической пропаганды (если соціалистамъ выгоденъ недостатокъ образованія, то почему же это правительство закрываетъ школы для рабочихъ и закрываетъ читальни? что-то тутъ не такъ, г. Слѣповъ! Ред.). нанося этимъ вредъ не только рабочимъ, но и всему Государству Русскому. — Затѣмъ мы старались обратить вниманіе почтеннаго собранія на несочувствіе московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ къ идеѣ рабочихъ Москвы объединиться въ тѣсную семью, для учрежденія своихъ кассъ взаимопомощи, столь важныхъ для избавленія отъ гнетущей ихъ нужды. Въ связи съ этимъ мы просили членовъ почтеннаго собранія возбудить въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о кредитѣ для рабочихъ кассъ взаимопомощи (см. рѣчь нижегородскаго рабочаго Самылина на судѣ, въ № 29 „Искры“, о томъ, какъ его арестовали за участіе въ экономическомъ кружкѣ. Вотъ вамъ и образованіе, вотъ вамъ и кассы! Ред.). Несомнѣнно, что поддержка въ матеріальныхъ нуждахъ рабочихъ составило бы лучшее опроверженіе злонамѣренной пропаганды въ ихъ средѣ (неужели г. Слѣповъ — и попалась же такая удачная фамилія! — серьезно думаетъ, что сознательный рабочій изъ-за жалкихъ подачекъ откажется отъ стремленія къ свободѣ? А несознательную, темную массу „поддержать въ матеріальныхъ нуждахъ“ не въ силахъ даже самые высокопоставленные покровители зубатовцевъ, ибо для такой поддержки надо сначала измѣнить весь общественный строй, покоящійся на обездоленіи массъ. Ред.). — Эти фальшивые „доброжелатели“ рабочихъ говорятъ обыкновенно, что жизнь улучшить они могутъ только посредствомъ бунтовъ, возмущеній, сопротивленіи власти и т. п. Къ несчастію нашему такое подстрекательство имѣетъ иногда успѣхъ, какъ всѣ знаютъ. Мирное улучшеніе быта рабочихъ лучше всего опровергаетъ агитаторовъ. — Затѣмъ мы имѣли честь докладывать почтенному собранію, что въ Москвѣ, не смотря на сильнѣйшую безработицу, соціалистическая пропаганда за послѣднее время потеряла всякій успѣхъ (а мы недавно только слышали о громадныхъ арестахъ въ Москвѣ! Къ чему бы было и кого бы было арестовывать, еслибы пропаганда теряла успѣхъ?? Ред.) именно потому, что рабочіе начинаютъ уже организоваться, имѣя у себя Общество взаимнаго вспомоществованія, Общество потребителей, и потому что сочувственное вниманіе власти обращено уже на нужды рабочихъ, давъ возможность устроить для нихъ общеобразовательныя чтенія и т. п. — Кромѣ всего вышесказаннаго, мы докладывали также собранію о случаяхъ, бывшихъ въ Москвѣ, гдѣ мы фигурировали въ качествѣ посредниковъ-примирителей рабочихъ съ заводчиками и не только устраняли, но и предупреждали могущіе вспыхнуть безпорядки, такъ, напр., было на заводѣ Гакенталь, на заводѣ бр. Бромлей, на заводѣ Добровъ-Набгольцъ. Мы упомянули также о стачкѣ рабочихъ металлургическаго завода Гужонъ, гдѣ рабочіе прокатнаго и гвоздильнаго отдѣленій, хотя прекратили работы, но только благодаря нашему вмѣшательству, не дошли до безпорядковъ, и рабочіе стали на работу, послушавъ нашихъ товарищескихъ совѣтовъ (такихъ „товарищескихъ“ совѣтовъ довольно уже слушаютъ рабочіе при каждой стачкѣ и отъ полиціи, и отъ фабричныхъ инспекторовъ, которые всегда упрашиваютъ „стать на работу“. Это не товарищескіе, а полицейскіе совѣты. Ред.).

„Члены „Русскаго Собранія“ выслушали благосклонно (еще бы не благосклонно слушать рабочихъ, помогающихъ полиціи въ ея дѣлѣ! Ред.) наши доклады и многіе высказались въ томъ смыслѣ, что надо серіозно задуматься надъ вопросомъ о рабочихъ и дать рабочимъ возможность и способы выбиться изъ подъ вліянія соціалистическаго ученія, (интересная картина: генералы и попы, зубатовскіе шпіоны и вѣрные полицейскому духу писатели собрались „помогать“ рабочему выбиваться изъ подъ вліянія соціалистическаго ученія! — а кстати также и помогать вылавливать неосторожныхъ рабоч., которые пойдутъ на удочку. Ред.), допустивъ ихъ самодѣятельность, подъ контролемъ правительственныхъ узаконеній и подъ руководствомъ той части интеллигенціи, которая истинно любитъ свою родину и стремится къ благу и процвѣтанію ея (хороша самодѣятельность подъ контролемъ полиціи! Нѣтъ, рабочіе уже требуютъ теперь самодѣятельности при условіи свободы отъ полиціи, свободы выбора въ руководители такихъ интеллигентовъ, которымъ, они, рабочіе, довѣряютъ. Ред.). — В. В. Комаровъ, А. В. Васильевъ, полковникъ Веретенниковъ, г. Дегтяревъ, художникъ Каразинъ, князь Д. П. Голицынъ, и многіе другіе чрезвычайно тепло отнеслись къ вопросу о рабочихъ. Были высказаны мысли о необходимости учрежденія особыхъ совѣтовъ отъ рабочихъ съ центральнымъ во главѣ, роль которыхъ была бы благотворною въ смыслѣ предупрежденія возникающихъ недоразумѣній между рабочими и заводчиками. По выраженію г. Дегтярева, это слѣдуетъ допустить потому, что толпа никогда не можетъ дѣйствовать сознательно и что повліять на толпу рабоч. могутъ лучше всего сами рабочіе, приведя для примѣра существующія во Франціи такого рода учрежденія, съ успѣхомъ выполняющія вышеуказанныя задачи (Да, совѣты отъ рабочихъ имѣютъ успѣхъ во Франціи и во всей Европѣ. Это правда. Но они имѣютъ успѣхъ потому, что рабочіе пользуются тамъ политической свободой, имѣютъ свои союзы, свои газеты, своихъ выборныхъ въ парламентахъ. Неужели г. Дегтяревъ думаетъ, что петербургскіе рабочіе всѣ такъ наивны, чтобы не знать объ этомъ? Ред.). — Вопросъ о правительственномъ кредитѣ кассамъ взаимопомощи раб. также былъ встрѣченъ сочувственно членами „Русскаго Собранія“. Засѣданіе закончилось тѣмъ, что постановлено было избрать особую коммиссію, для обсужденія мѣръ по данному вопросу. — Мы надѣемся, что вы, г. редакторъ, какъ истинно-Русскій человѣкъ, отнесетесь также сочувственно къ намъ, рабочимъ, и позволите сообщить въ газетѣ вашей вышеприведенное, дабы лучшіе наши люди соединились всѣ для совмѣстной борьбы съ врагами нашей родины, вносящими въ народныя массы смуты, сѣющими сѣмена междуусобицъ, и ослабляющими преданность къ завѣтамъ старины, освященнымъ вѣками, уваженіе и благоговѣніе предъ Верховною Властью. — Мы твердо вѣримъ, что есть и на Руси люди, готовые посвятить свои силы на служеніе отчизнѣ, положить на алтарь ея свои силы и способности, и дружно сплотясь, поставить непреодолимую преграду неправдѣ и злу на Руси.

Рабочій Ф. А. Слѣповъ.“

А въ концѣ не могъ не проговориться г. Слѣповъ! Вся поддержка рабочихъ нуждъ, все сочувствіе со стороны правительства свелась къ одному: изъ рабочихъ же образовать группы для борьбы съ соціализмомъ. Вотъ это правда. И рабочимъ очень интересно будетъ узнать, что кромѣ нагаекъ и тюремъ, ссылки и тюремъ въ нихъ будутъ еще внѣдрять „уваженіе и благоговѣніе предъ Верховной Властью“ гг. зубатовскіе рабочіе. На открытыхъ собраніяхъ ни одинъ разумный рабочій не станетъ говорить то, что онъ думаетъ, — это значило бы прямо отдаваться въ руки полиціи. А посредствомъ своихъ газетъ, своихъ листковъ и своихъ собраній мы можемъ и должны добиться того что новый зубатовскій походъ весь пойдетъ на пользу соціализму.

ОПЕКАЕМОЕ СТУДЕНЧЕСТВО.

Всероссійскій студенческій съѣздъ 1902 г. нашелъ, какъ извѣстно, желательнымъ, чтобы студенческіе организаціонные комитеты „состояли въ сношеніяхъ съ мѣстными комитетами Рос. С.-Д. Раб. Партіи“. Въ настоящее время Кіевскій Союзный Совѣтъ объед. земл. и орган. и Орган. Ком. Кіевскаго Полит. Института выступаютъ противъ резолюцій съѣзда съ „Открытымъ Письмомъ“. Своему протесту авторы его придаютъ почему-то дипломатически замаскированную форму, заявляя, что они не думаютъ „вторгаться въ сферу компетенціи съѣзда“ и предлагаютъ лишь „болѣе широкое толкованіе“ одного изъ параграфовъ Манифеста Всероссійскаго Студенческаго Съѣзда. „Студенчество, какъ таковое, говорятъ авторы „Откр. Письма“, не можетъ примыкать всецѣло ни къ партіи соц.-рев., ни къ соц.-дем. Студенчество, какъ таковое, представляетъ изъ себя источникъ, изъ котораго вербуютъ себѣ членовъ какъ обѣ указанныя партіи, такъ и другія революціонныя организаціи и группы. Въ силу этого, студенчество не можетъ отдавать предпочтеніе той или иной революціонной фракціи“. Мы не можемъ согласиться съ мотивировкой авторовъ „Откр. Письма“. Предлагая студенческимъ организаціоннымъ комитетамъ вступать въ сношенія съ соц.-дем. комитетами, съѣздъ, разумѣется, не обязывалъ революціонное студенчество принимать всю программу соц.-демократіи. Соотвѣтственная резолюція имѣла въ виду сближеніе съ партіей, но не вступленіе въ партію. „Студенчество, какъ таковое“, т. е. какъ коллективный авторъ университетскихъ безпорядковъ, демонстрацій и политическихъ резолюцій, имѣетъ свою физіономію, независимую отъ взглядовъ тѣхъ или иныхъ входящихъ въ его составъ студентовъ. Эта физіономія — демократическая. На почвѣ революціонно-демократическихъ требованій „студенчества, какъ таковаго“ (только отъ его имени и могъ говорить съѣздъ, не посягавшій, разумѣется, на убѣжденія отдѣльныхъ студентовъ-революціонеровъ), возможенъ и желателенъ его союзъ съ революціоннымъ пролетаріатомъ. Въ виду того, что между соц.-дем. и соц.-рев. существуетъ такъ-наз. „междуфракціонная“ (въ сущности, гораздо болѣе глубокая) борьба, передъ демократическимъ студенчествомъ стоитъ задача политически разумнаго выбора, — а поскольку преобладающую роль въ рабочемъ движеніи играетъ соц.-демократія въ лицѣ своихъ мѣстныхъ комитетовъ, резолюція съѣзда является политически-цѣлесообразнымъ актомъ. Вопросъ, однако, поставленъ жизнью не такъ. Лучшая часть студенчества уже не удерживается на чисто-политической почвѣ февральскихъ „резолюцій“ этого года и проявляетъ все усиливающіяся тяготѣнія въ сторону соціализма. Мы можемъ лишь привѣтствовать это теченіе, и если оно связано съ расколомъ, — мы привѣтствуемъ расколъ!

Суевѣрный страхъ передъ „раздѣленіемъ“, хотя бы это раздѣленіе было глубоко-прогрессивно по существу, мы предоставляемъ соц.-революц. Тамъ онъ на своемъ мѣстѣ.

„Рев. Рос.“ (№ 13), вѣрная своимъ „соц.-револ.“ методамъ — погребенія реальныхъ противорѣчій подъ мавзолеями „объединительныхъ“ фразъ — и на этотъ разъ, вмѣсто того, чтобы углубиться въ вопросъ, отдѣлывается общими добродѣтельными мѣстами и неустанно

„Льетъ примирительный елей ..“

Газета „съ удовольствіемъ“ (еще бы!) печатаетъ „открытое письмо“ организованнаго кіевскаго студенчества и выражаетъ увѣренность, что „студенты другихъ городовъ вполнѣ согласятся съ кіевлянами, что не слѣдуетъ вводить въ студенчество междуфракціонной борьбы, столь вредной для успѣха революціонно-соціалистическаго дѣла“.

„Рев. Рос.“, какъ видимъ, говоритъ о студенчествѣ не только какъ о революціонно-демократической молодежи, но какъ объ отрядѣ, ведущемъ революціонно-соціалистическую (не просто демократическую) борьбу. Что же можетъ рекомендовать „Рев. Рос.“ этому студенчеству, стоящему передъ фактомъ „междуфракціонной“ борьбы соц.-дем. и соц.-рев.? Создать „для успѣха револ.-соціалистическаго дѣла“ какую-нибудь „объединенную организацію“ студентовъ соц.-рев. и студентовъ соц.-дем., рядомъ съ уже существующими и борющимися партіями? Или заранѣе отказаться отъ углубленія въ смыслъ фракціонныхъ разногласій, а значитъ и отъ соціалистической работы, ибо послѣдняя предполагаетъ выборъ партій, а слѣд., и расколъ, „столь вредный для успѣховъ“ примирительской политики мелкобуржазныхъ революціонеровъ. Итакъ — назадъ? Но вѣдь и та чисто-„политическая“ борьба студенчества, которая выразилась въ февральскихъ „резолюціяхъ“, повела къ расколу между академиками и политиками... Въ средѣ самихъ „политиковъ“ рядомъ съ демократическимъ большинствомъ могутъ оказаться студенты, тяготѣющіе, подъ вліяніемъ „отцовъ-умѣренныхъ“, въ сторону цензоваго либерализма, представленнаго г-номъ Струве. Не отойти-ли, во избѣжаніе раскола, назадъ и отъ политики?

Правда, „Рев. Рос.“ ограничиваетъ почему-то вредъ раскола лишь „революціонно-соціалистическимъ“ студенчествомъ. Но неужели же достаточно назвать глубокія и все углубляющіяся разногласія между соц.-дем. и соц.-рев. „междуфракціонной“ борьбой, чтобы утратилъ въ глазахъ мыслящей части студенчества весь смыслъ тотъ фактъ, что одна изъ „фракцій“ (чего?) считаетъ авантюристскую тактику другой „фракціи“ „вредной для успѣховъ революціонно-соціалистическаго дѣла?“ Не пора-ли, г-да соц.-рев., бросить эту негодную тактику недомолвокъ, этотъ языкъ „огорченности“, эту дипломатію... страуса!

А членамъ Союзнаго Совѣта, отъ которыхъ, конечно, нельзя требовать большой политической опытности, мы скажемъ такъ:

Въ области политики добрая ссора нерѣдко выгоднѣе худого міра. Политическіе союзы опираются на отчетливо сознанную общность интересовъ, а не на затушевыванiе противорѣчiй въ задачахъ и методахъ борьбы.

3 ноября, т. е. черезъ три недѣли послѣ изданiя „открытаго письма“, Кiевскiй Союзный Совѣтъ выпустилъ прокламацiю въ память Балмашева, въ которой засвидѣтельствовалъ свое тяготѣнiе къ партiи соц.-рев. Этотъ фактъ бросаетъ отраженный свѣтъ и на самое „открытое письмо“. Оно представляетъ собою не распространенное „толкованiе“ резолюцiи общестуденческаго съѣзда (какая наивная „примирительская“ софистика!), а категорическiй протестъ противъ стремленiя этого съѣзда связать борьбу студентовъ съ борьбой соц.-демократiи. Насильно милъ не будешь! можемъ мы сказать Кiевскому Союзному Совѣту, — но негоже прикрывать свои истинныя симпатiи и антипатiи салонными, а не политическими рѣчами о томъ, что „студенчество не можетъ отдавать предпочтенiя той или иной революцiонной фракцiи“. Не можетъ? Оно должно! Если только, конечно, оно не соглашается оставаться въ приготовительномъ классѣ школы революцiоннаго развитiя...

Оно должно, — а соц.-дем. остается только пожелать, чтобы академическая молодежь серьезно относилась къ вопросамъ революцiонной теорiи, которую теперь въ модѣ третировать, какъ каналью. Знакомство съ царствомъ соцiалистической мысли несомнѣнно убѣдитъ, что внѣ марксизма, какъ боевой теорiи пролетарiата, возможны революцiонныя фразы, въ лучшемъ случаѣ — революцiонное настроенiе, но невозможно научное революцiонное мышленiе. Академическая молодежь могла снова удостовѣриться въ этомъ на примѣрѣ русскихъ „критиковъ“ революцiоннаго марксизма, которые крайне ускореннымъ темпомъ прошли, казалось бы, не малый путь отъ соцiализма до благоумѣреннаго либерализма (г. Струве) или даже до христiанской теософiи (г. Булгаковъ). Можно съ увѣренностью сказать, что своеобразный теоретическiй „нигилизмъ“ нѣкоторыхъ революцiонныхъ группъ скомпрометируетъ себя своею безпринципностью такъ же неоспоримо, какъ и „критическое“ неистовство — своимъ оппортунизмомъ и идейной реакцiонностью. И тогда обновленный въ идейной борьбѣ научный соцiализмъ снова безраздѣльно овладѣетъ умами мыслящей академической молодежи, какъ это было въ началѣ 90-хъ годовъ, когда марксизмъ эмансипировалъ прогрессивную общественную мысль отъ пережитковъ народничества.

Вступленiе „академика“ въ ряды соц.-демократiи налагаетъ на него серьезныя теоретическiя обязательства. Марксизмъ не схватывается на лету. Онъ требуетъ углубленiя и углубленiя. Онъ требуетъ, далѣе, строго критическаго отношенiя ко всякимъ якобы-„критическимъ“ посягательствамъ разложить революцiонную доктрину пролетарiата привнесенiемъ въ нее некритическихъ элементовъ буржуазной идеологiи. Въ работѣ очищенiя, охраненiя и развитiя пролетарскаго соцiалистическаго ученiя революцiонеры-академики всегда найдутъ себѣ мѣсто, и революцiонный пролетарiатъ всегда скажетъ имъ: „Добро пожаловать!“

ВМѢСТО ФЕЛЬЕТОНА.

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА.

(По личнымъ воспоминанiямъ).

Былъ позднiй вечеръ наканунѣ Новаго года. Сквозь узкiя щелочки форточки струился въ мою камеру влажный зимнiй воздухъ. Пламя свѣчи колебалось и тускло освѣщало желѣзный столикъ, привинченный къ стѣнѣ, густо испещренный надписями. Тутъ были и фамилiи съ указанiемъ времени ареста, и революцiонные стихи, и прощанiе съ тюрьмой, и привѣтъ и пожеланiе бодрости будущимъ узницамъ. Углы камеры утопали во мракѣ. Было тихо, ровно ни звука. Прислушаешься къ этому жуткому безмолвiю, и тогда въ ушахъ переливается тихiй мелодичный звонъ, какъ будто мирiады легкихъ, прозрачныхъ крылышекъ невидимо трепещутъ въ воздухѣ. Изрѣдка доносился изъ-за стѣны глухой кашель уголовнаго арестанта и гулко отдавался подъ тюремными сводами. Хлопнетъ гдѣ-нибудь форточка, и снова все тихо. Быстро и нервно зашагалъ кто-то наверху въ дальней камерѣ — взадъ и впередъ, взадъ и впередъ...

Я сидѣла на маленькой желѣзной скамеечкѣ, тоже привинченной къ стѣнѣ, передъ раскрытой тетрадкой съ перомъ въ рукѣ и собиралась повѣдать дневнику свои думы подъ Новый годъ. Предо мной проносился рядъ послѣднихъ лѣтъ, другiя встрѣчи Новаго года — сначала въ кругу семьи среди веселаго смѣха, шутокъ и шалостей братьевъ и сестеръ, позднѣе въ кругу друзей и товарищей. Оживленныя лица, горячiе споры, бодрыя рѣчи и пѣнiе. Позднею ночью расходятся товарищи, унося съ вечеринки каждый частицу новыхъ надеждъ и новой энергiи на борьбу за дорогое завѣтное дѣло. Расходятся осторожно, по двое, по трое, чтобы не привлечь слишкомъ рано вниманiя ночныхъ церберовъ и юркихъ шпiоновъ. И теперь, навѣрно, дружной семьей собираются на какой-нибудь конспиративной квартирѣ, дѣлаютъ подсчетъ недавно павшимъ товарищамъ...

Громкiй, частый стукъ въ стѣну прервалъ мои мысли. Пауза, и правильные удары выстукивали мое имя. Я поднялась и сѣла въ углу у противоположной стѣнки, такъ какъ стучали изъ нижней, наискось лежащей отъ меня камеры. Нѣсколькими частыми ударами я дала знать, что слушаю. — Рѣшено встрѣчать Новый годъ всѣмъ вмѣстѣ, стучала сосѣдка. Мудрено что-то. Слушаю дальше. — Условились, какъ только пробьетъ двѣнадцать, запѣть марсельезу. Согласна-ли ты? Еще бы!

— Конечно, согласна! взволнованно простучала я. Сосѣдка длинной чертой по стѣнѣ дала знать, что разговоръ конченъ, и я быстро, взволнованно забѣгала по камерѣ. Такъ вотъ какъ мы Новый годъ-то встрѣчать будемъ. Славно придумали! Только удастся-ли? Трудно вѣдь пѣть всѣмъ вмѣстѣ, когда не видишь одинъ другого. И чѣмъ все это кончится? Я ясно представила себѣ недоумѣнiе, злобу, ужасъ тощей, сухой надзирательницы, когда она, дремля внизу въ корридорѣ на своемъ посту, услышитъ вдругъ среди ночной тишины пѣнiе изъ всѣхъ камеръ. А завтра день свиданiй. Не только намъ принесутъ новости, но и мы будемъ имѣть, что разсказать.

Я долго ходила еще взадъ и впередъ, устала, присѣла, снова задумалась. Вдругъ среди гробовой тишины раздался бой корридорныхъ часовъ. Я вздрогнула, встала и, вобравъ въ себя воздухъ, пыталась затянуть знакомую пѣсню. Но дыханiе сперлось, и изъ горла — ни звука. Холодный потъ крупными каплями выступилъ у меня на лбу, сердце страшно колотится. Часы между тѣмъ продолжаютъ бить громко, протяжно... И вмѣстѣ съ боемъ часовъ донесся до меня чей-то голосъ — робкiй, неувѣренный. За нимъ другой, третiй, еще и еще, сверху, снизу, со всѣхъ сторонъ; я подхватила, пѣнiе становилось все дружнѣе, ровнѣе, громче:

„Отречемся отъ стараго мiра,
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ
Намъ враждебны златые кумиры,
Ненавистенъ намъ царскiй чертогъ!“

торжественно и дерзко раздавалось подъ мрачными сводами.

„Это что такое? Вѣдь поютъ они! Да они съ ума сошли!“ послышался снизу испуганный, негодующiй голосъ надзирательницы, и, звеня ключами, она поднялась по лѣстницѣ, чтобы унять дерзкихъ узницъ, такъ необычайно нарушившихъ тюремный покой. Хлопнула форточка въ двери, послышались сердитыя пререканiя. Кошачьими шагами она обходила всѣ камеры, грозя и ругаясь. Пѣнiе смолкало и только чей-то упрямый голосъ раздавался еще нѣкоторое время подъ сводами. И снова все стихло, только шумно кровь катилась по жиламъ, да сердце громко стучало. Часы давно пробили полночь. Новый годъ, Новый Революцiонный Годъ наступилъ и былъ встрѣченъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Тифлисъ. 22 апрѣля 1901 г. за демонстрацiю „перваго мая“, о которой своевременно были напечатаны подробныя свѣдѣнiя въ вашей газетѣ, задержали 41 чел., изъ нихъ трехъ женщинъ-интеллигентокъ. Въ ноябрѣ этого года стало извѣстно, что оставшихся въ тюрьмѣ (большая часть была выпущена за недостаткомъ уликъ), ссылаютъ въ г. Харьковъ и въ другiе города внутренней Россiи. 21 ноября должны были сослать двухъ главныхъ обвиняемыхъ этапнымъ порядкомъ въ Харьковъ. Въ 9 ч. 20 мин. утра отходитъ поѣздъ. На платформѣ, кромѣ родныхъ и семействъ ссылаемыхъ, собрались неожиданно рабочiе, всего чел. триста. Передъ третьимъ звонкомъ рабочiе оттѣснили публику, размѣстились около арестантскаго вагона, затѣмъ запѣли: „Отречемся отъ стараго мiра“ и выкинули красное знамя съ надписью: „Долой самодержавiе!“ Поѣздъ двинулся тихо, а наравнѣ съ нимъ, рядомъ съ арестантскимъ вагономъ, двигались стройной массой рабочiе, надъ головами которыхъ развѣвалось большое красное знамя. Вотъ оно склонилось и окутало рѣшетки окна, гдѣ сидѣли глубоко взволнованные уѣзжающiе въ ссылку товарищи. Пѣнiе лилось стройно и внятно, всѣхъ охватило воодушевленiе, крики: „Долой самодержавiе!“ потрясали воздухъ, поѣздъ усиливалъ ходъ, рабочiе бѣжали рядомъ съ арестантскимъ вагономъ, гдѣ сидѣли тѣ, кто такъ много пострадалъ за общее дѣло борьбы за соцiализмъ, за политическое освобожденiе Россiи отъ царскаго деспотизма... Такъ пробѣжали они всю платформу, поѣздъ разогнался и умчалъ нашихъ товарищей въ ссылку.

Полицiя и жандармы были не подготовлены. Они растерялись и были отброшены толпой. По окончанiи демонстрацiи знамя удалось свернуть и спрятать. Рабочiе, выйдя плотной массой съ вокзала безпрепятственно, быстро разсѣялись по прилегающимъ улицамъ. Впечатлѣнiе на публику эта неожиданная демонстрацiя, столь стройно проведенная, произвела сильное. За демонстрацiю пока еще никто не пострадалъ.

Москва. Здѣшнимъ Ком. Рос. С.-Д. Р. П. изданы листки: 1) „Письмо къ товарищамъ“ (октябрь 1902 г.) по поводу суда надъ демонстрантами и 2) „Письмо рабочаго объ обществѣ взаимопомощи механическихъ рабочихъ г. Москвы“. Перепечатываемъ цѣликомъ это письмо: оно прiобрѣтаетъ въ высшей степени современный интересъ теперь, когда Зубатовъ устраиваетъ провокаторское рабочее общество въ СПБ.

„Товарищи! Прошу васъ обратить вниманiе на общество рабочихъ Москвы и прошу: войдите въ защиту этихъ несчастныхъ членовъ общества, разубѣдите ихъ, кому придется встрѣтиться, словомъ и литературой. Посмотрите, что было и что стало это общество, и какая тонкая политика генералъ-провокатора Зубатова: рабочихъ можно теперь стричь, какъ овецъ. Зубатовъ съ мая 1901 года и до января 1902 года позволялъ рабочимъ говорить публично, что у нихъ болитъ и что ихъ допекаетъ, а профессорамъ читать лекцiи. Рабочiе стали публично говорить, что у нихъ квартиры плохи, много времени работаютъ и очень много голодаютъ; когда и работа есть, такъ и то скверно питаются: мало получаютъ; плохо знаютъ грамоту, не по человѣчески съ ними обращаются и до невыносимости штрафуютъ, и подведя итоги всѣхъ невзгодъ, оказалось, что рабочихъ здорово эксплуатируютъ. Рабочiе начинаютъ совѣтоваться, какъ лучше имъ устроиться. Куда ни бросятся, за что ни возмутся, все законъ не позволяетъ. Чтобы обезпечить себя отъ голода, надо получать больше, а нельзя много получить, когда много безработныхъ, которые трудъ свой дешевле предлагаютъ. Сдѣлать стачку, чтобы меньше времени работать, тогда меньше будетъ безработныхъ, которые трудъ свой дешевле предлагаютъ, но законъ воспрещаетъ стачки. Въ обществѣ видную роль играютъ заправилы: Афанасьевъ, Слѣповъ, Красивскiй — провокаторы. Вотъ эти провокаторы рекомендуютъ себя руководителями: Красивскiй говоритъ, что безъ Афанасьева намъ ничего не сдѣлать, Афанасьевъ, — что безъ Слѣпова мы пропадемъ, Слѣповъ, — что безъ Красивскаго никакъ не обойдемся. Хотя рабочiе неоднократно просили Красивскаго не ходить на собранiя, но онъ самымъ наглымъ образомъ опять ходилъ и продолжалъ свою дѣятельность.

„И вотъ наплакавшись до сыта на свое горе, рабочiе обращаются къ провокаторамъ: „что все говорить, да говорить, что мы плохо живемъ, надо устраивать, чтобы такъ не жить“. На такой щекотливый вопросъ провокаторы заявляютъ рабочимъ: „высказывайте свое мнѣнiе, какъ лучше устроить, все это секретарь запишетъ, соберемъ матерiалъ, и тогда увидимъ, что дѣлать“. Рабочiе говорятъ, секретарь записываетъ и отдаетъ Афанасьеву, а тотъ, конечно, Зубатову. Зубатовъ краснымъ карандашомъ подчеркиваетъ, кто знаетъ, какъ это дѣло устроить. Рабочiе ожидаютъ устава кассы взаимопомощи каждый часъ. Вздыхаютъ, что долго не разрѣшаютъ. Между рабочими начинаетъ проявляться солидарность и сознательность. На провокаторовъ косятся. Между рабочими и провокаторами каждое собранiе полемика. Провокаторы къ Зубатову. Зубатовъ предлагаетъ устроить совѣтъ рабочихъ, противный духу устава общества. По уставу общества, дѣла рѣшаются общимъ собранiемъ большинствомъ голосовъ. По уставу Зубатовскаго совѣта, въ засѣданiе совѣта не могутъ входить рабочiе, не принадлежащiе къ совѣту. Совѣтъ безъ общаго собранiя можетъ исключить изъ членовъ общества. Въ совѣтъ вошли три провокатора, четыре скептика, а остальные 13 чел. для мебели. Предсѣдатель — Афанасьевъ, секретарь — Слѣповъ, Красивскiй — контролеръ на собранiяхъ. Уставъ потерялъ силу. Общее собранiе не играетъ никакой роли, потому что есть совѣтъ, который стоитъ выше общаго собранiя. И вотъ изъ демократическаго общества получился какой то доселѣ небывалый полицейско-рабочiй департаментъ. Директоръ Зубатовъ, а замѣститель Афанасьевъ и Ко. Власть общества перешла къ одному лицу — начальнику охраннаго отдѣленiя.

„Я вамъ представлю работу совѣта въ декабрѣ прошлаго года. По приказанiю Зубатова, Афанасьевъ и Ко. выгоняютъ изъ общества нѣсколькихъ рабочихъ. Рабочiе начинаютъ протестовать противъ такого произвола Афанасьева и Ко., говорятъ, что эти рабочiе не заслужили такой казни, чтобы ихъ выгонять. Провокаторы говорятъ, что эти рабочiе не по той дорогѣ пошли: они знакомы съ интеллигентами, которые наши враги. Они это врали: рабочiе, которые высказывались на собранiяхъ, говорили одну правду, которую они видѣли и безъ интеллигенцiи, а если интеллигенцiя врагъ рабочихъ, то интересно знать, за кого они считаютъ профессоровъ, за жандармовъ, что-ли? Рабочiе начинаютъ доказывать невиновность этихъ рабочихъ и просятъ возвратить ихъ обратно въ общество. Афанасьевъ говоритъ, что ихъ выгнали на одинъ только мѣсяцъ, чтобы одумались, черезъ мѣсяцъ они будутъ посѣщать собранiя. Но увы! не могли рабочiе-изгнанники дождаться этого срока: замѣститель Малюты Скуратова, Зубатовъ, бросилъ изгнанниковъ въ тюрьму. Дальше Зубатовъ организуетъ ткачей, булочниковъ, пуговичниковъ въ выше упомянутый департаментъ. Профессорамъ лекцiи читать воспрещаютъ и заказываютъ цѣлыя кипы брошюръ самаго подозрительнаго свойства попамъ и буржуазнымъ мыслителямъ, какъ-то г. Тихомирову, который написалъ „Рабочiй вопросъ и русскiе идеалы“, автору „Задушевнаго Слова“, не помню какъ фамилiя, и еще кое-кому. Рабочiе читаютъ, — всѣ одного направленiя: повинуйтесь властямъ яко даннымъ Богомъ. Итакъ, рабочiе кончили думать сами улучшить свое положенiе, стали надѣяться, что Богъ и безъ нихъ все устроитъ, а имъ надо только слушаться поповъ, да начальство. Книги, которыя раньше хвалили и совѣтовали другъ другу читать, какъ-то Маркса, Лассаля, Энгельса, Зомбарта (? Ред.), Толстого, Горькаго, Некрасова и др. смѣняютъ Тихомировъ, Пазухинъ и очень многiе попы. На смѣну профессорамъ, читавшимъ лекцiи по экономикѣ, гигiенѣ и проч. выѣзжаютъ попы и цензоры. Я удивляюсь, почему Зубатовъ самъ не прочелъ рабочимъ лекцiи, хотя бы членамъ совѣта, какъ должны вести себя опричники. Боже мой, что читаютъ лицемѣрные служители Христа рабочимъ! Такiя фантастическiя вещи, что просто изъ ума вонъ. Вотъ до чего дѣло дошло: рабочiе сдѣлались какъ будто загипнотизированными. Когда было неудачное покушенiе на Трепова, того самаго Трепова, который неоднократно приказывалъ стегать рабочихъ нагайками, то рабочiе, по приказанiю совѣта, служили благодарственный молебенъ за избавленiе этого тирана. Дальше. Зубатовъ уѣзжаетъ въ СПБ. на новую должность, чуть-ли не на министерскiй постъ. Конечно, самодержецъ дастъ, что угодно, людямъ, способнымъ защищать его интересы. Онъ видитъ, какъ справился Зубатовъ съ московскими рабочими: всѣ голодаютъ, а молчатъ, молятся только Богу за начальство. Что же, можетъ быть, Зубатовъ съ новаго поста и всѣхъ рабочихъ заставитъ работать, голодать, молчать и молить Бога за начальство. Проводить своего начальника на Николаевскiй вокзалъ собрались жандармы, чиновники охраннаго отдѣленiя, и рабочiе, члены совѣта, конечно, здѣсь были. Зубатовъ говорилъ рабочимъ рѣчь, отъ которой многiе плакали, желалъ процвѣтать обществу и жалъ руки своимъ провокаторамъ-рабочимъ. Бойтесь подобныхъ ловушекъ. Не допускайте въ это общество учениковъ, въ немъ всѣ — шпiоны“.

Борьба политическихъ въ митавской тюрьмѣ. Каждая тюрьма представляетъ собою нѣчто вродѣ особаго государства со своими особыми внутренними порядками. Уже съ давнихъ поръ уголовные преступники считаютъ наихудшей тюрьмой въ Прибалтiйскомъ краѣ митавскую, такъ-наз. „царство тюремщика Гаазе“. Это знали и жандармы, и уже во время перваго дѣла латышскихъ соцiалистовъ прибѣгали къ митавской тюрьмѣ, если нужно было вынудить показанiя отъ упрямыхъ политическихъ. Такихъ тогда переводили изъ либавской и рижской тюремъ въ Митаву и отдавали въ полное распоряженiе палача Гаазе. Въ митавской тюрьмѣ политическiе сами чистили свои камеры. Ихъ кормили общими арестантскими супами, которые потомъ политическiе могли подправить, покупая на свой счетъ полфунта говядины. Каждый день приходилось выслушивать отъ Гаазе замѣчанiя то за убитаго на стѣнѣ клопа, то за высунутый въ окно платокъ и другiя подобнаго же рода преступленiя противъ внутреннихъ правилъ. На жалобы политическихъ, что Гаазе не принимаетъ для нихъ отъ родственниковъ никакихъ вещей и съѣстныхъ припасовъ, прокуроръ отвѣчалъ, что это дѣло жандармерiи или начальника тюрьмы, т. е. самого Гаазе. Неудивительно, что въ такой тюрьмѣ гимназистъ Робертъ Крейеръ былъ доведенъ до такой степени отчаянiя, что покончилъ самоубiйствомъ. Тюремный врачъ Эйнерсъ неохотно посѣщаетъ больныхъ заключенныхъ, и если арестантъ лежитъ уже больной на постели и отплевывается кровью, то и тогда еще Эйнерсъ спрашиваетъ разрѣшенiя у Гаазе прежде, чѣмъ отправить больного въ больницу. Политическому Бредису въ 1901 г. Эйнерсъ подъ конецъ заявилъ, что для него нѣтъ больше лѣкарствъ въ тюремной аптекѣ, и если онъ хочетъ получить лѣкарство, то долженъ выписать на свои деньги. Послѣ трагическаго случая съ Крейеромъ было отправлено много жалобъ на Гаазе въ Питеръ, но придирки его не прекращались. Гаазе попрежнему грубо обращался и вдобавокъ еще издѣвался надъ заключенными, указывая на безполезность ихъ жалобъ. Осенью 1901 г. въ митавской тюрьмѣ сидѣли политическiе: докторъ Вайнейкисъ изъ Полангена, ученикъ митавскаго реальнаго училища Линга, Янисъ Бредисъ и рабочiй Ленцманъ. Въ октябрѣ перевели въ митавскую тюрьму изъ Либавы за подстрекательство политическихъ заключенныхъ бывшаго студента Э. Ролау, арестованнаго съ транспортомъ, и писателя К. Петерсона. Вскорѣ послѣ этого сюда же перевели изъ Либавы товарища Ролау, Э. Клява и цюрихскаго студента Тролле. Всѣ эти политическiе съумѣли завоевать себѣ въ Либавѣ кое-какiя права и льготы, поэтому придирки Гаазе чувствовались ими еще сильнѣе. Не находя выхода, политическiе рѣшили прибѣгнуть къ голодовкѣ. Первымъ отказался отъ пищи К. Петерсонъ и на другой день къ нему присоединился Э. Ролау. Результатъ оказался лучше, чѣмъ можно было ожидать. Гаазе испугался, но все таки призвалъ прокурора и жаловался на Ролау, будто тотъ велъ себя съ нимъ грубо. На это Ролау отвѣтилъ, что по закону начальникъ тюрьмы не смѣетъ грубiянить, и потребовалъ, чтобы политическимъ были даны въ митавской тюрьмѣ такiя же права, какъ вездѣ. Серьезный тонъ произвелъ впечатлѣнiе. Вскорѣ заключеннымъ объявили, что они впредь могутъ гулять дважды въ день, что тюфяки останутся и днемъ въ комнатѣ, что можно выписывать на свой счетъ обѣды и получать съѣстное и вещи отъ родныхъ. Стали выпускать на прогулку тѣхъ, у кого кончилось дознанiе. Самъ Гаазе тоже въ это время значительно присмирѣлъ. Но борьба этимъ не кончилась. Ее подняли теперь уголовные. Они видѣли успѣхи политическихъ и перестали считать Гаазе непобѣдимымъ.

Въ мартѣ 1902 г. получилъ, наконецъ приговоръ докторъ Вайнейкисъ. Приговоръ, изготовленный по рецепту ротмистра Вонсяцкаго, былъ ужасно суровъ. Послѣ двухъ лѣтъ слѣдственной тюрьмы Вайнейкисъ получилъ 5 лѣтъ Вост. Сиб. Вайнейкису не разрѣшили ѣхать на свой счетъ, такъ какъ Гаазе доносилъ, что Вайнейкисъ хочетъ бѣжать. Гаазе не разрѣшилъ Вайнейкису взять съ собой вещей болѣе 30 фунтовъ. 5 iюля получился приговоръ по дѣлу Ролау и Клява, первому 6 лѣтъ, второму 4 года Восточной Сибири. Оба теперь находятся по пути въ мѣстечко Туруханскъ, при впаденiи Енисея въ Ледовитый океанъ. Энергичной борьбой Ролау добился разрѣшенiя взять съ собой всѣ вещи и видѣться съ родными не черезъ рѣшетку. Въ первыхъ числахъ сентября послѣдовалъ приговоръ и оставшимся политическимъ. По нему Петерсонъ, Линга и Тролле идутъ на 3 года въ Вост. Сиб. Надо замѣтить, что Линга еще несовершеннолѣтнiй и что всѣ пробыли больше полутора лѣтъ подъ слѣдствiемъ

Изъ жизни сектантовъ на Сѣв. Кавказѣ. Сектанты, по преимуществу баптистскаго толка, разбросаны среди деревенскаго населенiя Ставропольской губернiи повсюду, но наиболѣе сплоченной общиной баптисты живутъ по окраинамъ губернскаго города Ставрополя, гдѣ занимаются, главнымъ образомъ, различнаго рода ремеслами и нѣкоторые изъ нихъ садоводствомъ и огородничествомъ. Всѣ они, какъ въ губ., такъ особенно и въ городѣ составляютъ пришлый элементъ, многiе изъ нихъ отбываютъ полицейскiй надзоръ: высланы они сюда преимущественно изъ Херсонской и Таврической губернiй. Положенiе ихъ здѣсь особенно печальное. Несмотря на то, что они поражаютъ всѣхъ своимъ рѣдкимъ трудолюбiемъ, чрезвычайно кроткимъ характеромъ и своимъ высокимъ культурнымъ уровнемъ по сравненiю съ окружающимъ городскимъ населенiемъ, они время отъ времени, благодаря проискамъ мѣстной администрацiи и духовенства, дѣлаются объектомъ различнаго рода варварскихъ издѣвательствъ со стороны нѣкоторой части православнаго невѣжественнаго населенiя, разжигаемаго дикимъ безцеремоннымъ науськиванiемъ „пастырей христiанскаго стада“. Такого рода дикiя „потѣхи“ устраиваются надъ мѣстными баптистами изъ года въ годъ, и всякiй разъ послѣ того, какъ полицейскiя провокацiи не достигаютъ желанныхъ результатовъ. Во что бы то ни стало мѣстнымъ полицейскимъ держимордамъ нужно ежегодно создать нѣсколько дѣлъ „сектантскихъ“ для того, чтобы передъ лицомъ центральнаго правительства выказать свою „рачительность по службѣ“, а кому неизвѣстно, что заработать на „крестъ и ордена“ легче всего можно, искореняя отечественную „крамолу“...

И вотъ въ извѣстное время, когда у мѣстныхъ помпадуровъ начинаютъ зудѣть руки, они науськиваютъ на беззащитныхъ баптистовъ свою полицейскую орду; — если это не приводитъ ни къ чему, принимается за дѣло мѣстный жандармскiй ротмистръ, который пускаетъ въ ходъ своихъ „людей-шпiоновъ“, которые вынюхиваютъ слѣды „сектантскихъ преступленiй“. Въ результатѣ — облава на мирныхъ сектантовъ, подрывающихъ основы „церкви и государства“. Въ этомъ году весной было произведено нѣсколько обысковъ среди сектантовъ, у одного или двухъ изъ нихъ были отобраны заграничныя изданiя Льва Толстого и еще что-то въ томъ же родѣ. Но такiе плоды „охоты“ не удовлетворяютъ нашихъ держимордъ, и они, съ соизволенiя губернагора Никифораки, устраиваютъ собесѣдованія православныхъ поповъ съ сектантами, на которыхъ обыкновенно легче бываетъ вылавливать наиболѣе вліятельныхъ сектантовъ. Это одно изъ наиболѣе могучихъ орудій, которыми пользуются наши полицейскіе въ борьбѣ съ сектантами. Для этого случая выдвигается на сцену мѣстный губернскій миссіонеръ, попъ Симеонъ Никольскій, типичный сколокъ, по своему безграничному ханжеству и лицемѣрію, съ знаменитаго Іоанна Кронштадскаго. Изувѣръ съ ногъ до головы, попъ Никольскій, вѣрный рабъ полицейской и жандармской своры, охотно устраиваетъ „собесѣдованія“, на которыхъ такъ ловко разжигаетъ темные инстинкты у невѣжественной православной толпы, что ему могъ бы позавидовать и знаменитый попъ-миссіонеръ Паисій (изъ романа Степняка „Штундистъ Павелъ Руденко“), объяснявшій мірянамъ всѣ стихійныя бѣды, какъ пожаръ и проч., тѣмъ, что въ ихъ средѣ живутъ штундисты, дѣлающіе „подговоры“ и „заговоры“ и тѣмъ натравляющій на штундистовъ толпу, безпощадно избивающую ни въ чемъ неповинныхъ людей. Къ сожалѣнію, въ нашихъ темныхъ деревенскихъ уголкахъ есть еще почва для дѣятельности такихъ изувѣровъ. Во всякомъ случаѣ нашъ ставропольскій миссіонеръ Симеонъ Никольскій очень часто достигаетъ своихъ гнусныхъ результатовъ. Какъ въ прошломъ году весной, такъ и въ этомъ году въ маѣ мѣсяцѣ его „собесѣдованія“ окончились дикимъ избіеніемъ сектантовъ пьяной толпой изъ его православной паствы, какъ только сектанты показались на улицѣ. Полиція, обыкновенно такъ чувствительно относящаяся ко всякому „нарушенію общественной тишины и порядка“, на этотъ разъ измѣнила и понизила свою „нервную впечатлительность“, такъ какъ на сей случай она имѣла „особыя инструкціи“... Мымрецовскій принципъ „тащить и не пущать“ остался въ силѣ только по отношенію къ сектантамъ, двое изъ которыхъ вскорѣ послѣ побоища были заперты въ участокъ по наущенію попа Никольскаго. Говорятъ, что этими побоищами всецѣло руководила полицейская орда, подкупившая нѣкоторыхъ изъ босяковъ, которые и были главными участниками избіеній. Платили, говорятъ, недорого, всего на „сороковку царской монополи“. Отецъ Симеонъ очень доволенъ своими „воздѣйствіями“. Такъ-то живется сектантамъ въ Ставрополѣ. Что же касается до деревенскихъ сектантовъ, то, говорятъ, имъ тоже не даютъ жить урядники и попы, придирающіеся ко всему и строчащіе доносы „по начальству“.

Станица Владимировская, Куб. Обл. (сообщено Донск. Комитетомъ). Постепенное уменьшеніе земельныхъ надѣловъ, недороды и, наряду съ этимъ, увеличеніе расходовъ на снаряженіе казаковъ все чаще и чаще заставляютъ кубанцевъ роптать на свою горькую нужду и на несправедливость „начальства“, которое не желаетъ входить въ положеніе казаковъ и предъявляетъ къ нимъ слишкомъ большія требованія по части „справки“ казаковъ на службу. Оно, бракуя коня или аммуницію, часто руководствуется не инструкціями, а собственнымъ произволомъ. Благодаря этому, снаряженіе казаковъ становится прямо таки разорительнымъ и непосильнымъ бременемъ для массы казаковъ. Недороды послѣднихъ лѣтъ окончательно подрываютъ благосостояніе массъ. На этой почвѣ и возрождается недовольство. Вотъ одинъ изъ такихъ фактовъ.

Въ ст. Владимирской происходитъ осмотръ казаковъ. Войсковой старшина, фамиліи котораго не удалось узнать, остался недовольнымъ „амуницiей“ казаковъ и принялся распекать ихъ и мѣстныхъ властей: кричалъ, топалъ ногами, запугивалъ „кутузкой“ и проч. Надо замѣтить, что „казачье начальство“ не церемонится со своимъ братомъ, казакомъ. Нерѣдки случаи, когда за неисправность обмундировки казаковъ и за неимѣніе лошади сажали на недѣлю, на двѣ, а то и больше, не только отцовъ казаковъ, но и атамановъ станицъ. На этотъ разъ „начальству“ былъ данъ дружный отпоръ. Казаки подступили къ войсковому старшинѣ и „тыкая“ ему въ лицо кулаки, въ свою очередь кричали: „это вы насъ довели до этого; у насъ земли нѣтъ, а вы тысячи десятинъ отдаете принцу Ольденбургскому, у насъ дровъ нѣтъ, а вы отдаете наши лѣса тому же Ольденбургскому и Владимиру для охоты; у насъ не на что справить бѣднаго казака, нечѣмъ платить жалованье станичному атаману и писарямъ, а вы отобрали у насъ трактирные, питейные и земельные доходы и т. д. Такъ давайте же намъ средства на снаряженіе казаковъ“. Отъ Маламы (кубанскій наказный атаманъ) былъ затѣмъ полученъ приказъ, чтобы къ 23 ноября казаки были снаряжены. Станичные атаманы станицъ Вознесенской и Владимірской отвѣтили въ томъ духѣ, что „рады бы стараться, да денегъ нѣтъ“. Къ 23 ноября казаки опять явились неисправными. Тогда „начальство“ назначило окончательный осмотръ на 7 дек. и прочитало казакамъ такой „законъ“: кто къ 7 дек. не явится вполнѣ исправнымъ, тотъ будетъ заключенъ въ тюрьму отъ двухъ недѣль до двухъ мѣсяцевъ; кто послѣ этого въ теченіе семи сутокъ не выполнитъ требуемое отъ него, — будетъ заключенъ въ тюрьму отъ двухъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ; кто же и въ третій разъ не будетъ исправенъ, — тотъ будетъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ Сибирь или въ каторжныя работы. По прочтеніи этого „закона“ поднялся невообразимый шумъ. Недовольство и возбужденіе достигли крайнихъ предѣловъ. „Начальство“ не принимаетъ никакихъ репресивныхъ мѣръ, ограничиваясь лишь запугиваніемъ. Казаки же отчасти утѣшаютъ себя тѣмъ, что для усмиренія ихъ не пошлютъ же собратьевъ-казаковъ.

Обращеніе русскихъ рабочихъ-переселенцевъ въ Америкѣ къ русинамъ. Въ русинской газетѣ „Свобода“, издающейся въ Пенсильваніи, напечатано нижеслѣдующее, весьма характерное письмо русскихъ рабочихъ, переселившихся въ Америку и проживающихъ теперь въ Нью-Іоркѣ. Мы перепечатываемъ это письмо, не измѣняя въ немъ правописанія.

„Мы, переселившіеся съ родной нашей страны, Матушки Россіи, въ виду того, что тамъ подъ гнетомъ батюшки царя невозможно прожить; ибо, если мы — православные, по артельному обсужденію не рѣшаемся работать по 15 коп. ($7^1/_2$ цнт.) въ день (отъ восходъ солнца до запада), то царское — „Христолюбивое воинство“ заставляетъ насъ съ ружьями, саблями, нагайками и проч... Такъ, что въ послѣднихъ годахъ не только политическими преступниками наполняются многочисленныя тюрьмы, а даже и бѣдными работниками. Отсюда мы не признаемъ царскаго православія истиннымъ Христіянствомъ, но тиранскимъ и звѣрскимъ... Здѣсь, въ Ню-Іоркъ есть православная церковь, но мы въ ней не пойдемъ, мы хорошо понимаемъ, что то не церковь, а потъ и кровь россійскаго работника, который пухнетъ съ голода, а царю подать долженъ заплатить, ибо царю хочется, чтобы его имя не только почитали въ россійскихъ церквахъ, но и заграницей. А истинныя Христьяне подобнаго самолюбія и насилія не признаютъ... Поэтому, если вы, Русины, обитающи на вольной земли Вашингтона не имѣете намѣренія почитать за главу церкви ни папу римскаго ни „батюшку царя“ — мы готовы къ вамъ присоединиться“.

Харьковъ. 14 ноября здѣсь была назначена Харьковскимъ союзомъ учащихся (насчитывается около ста объединенныхъ кружковъ) демонстрація на кладбищѣ на могилѣ застрѣлившагося гимназиста — новой жертвы средней школы. Несмотря на строгое запрещеніе инспектора не участвовать на похоронахъ, товарищи покойнаго совмѣстно съ учащимися во всѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, торжественно — ученики въ мундирахъ, гимназистки въ бѣлыхъ фартукахъ — отправились на кладбище, устроить панихиду. Но честнымъ дѣтскимъ сердцамъ, жаждущимъ протеста, не удалось найти удовлетворенія — царскій попъ отказался служить панихиду въ царскій день!..

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Смоленскъ. Въ одномъ изъ номеровъ „Смоленскаго Вѣстника“ (отъ 12 ноября) было сообщено о волненіяхъ среди крестьянъ Бѣльскаго уѣзда Смоленской губ. Сообщеніе это лживо, что вполнѣ, впрочемъ, понятно, такъ какъ писалъ-то его самъ же Смоленскій губернаторъ (Н. Звягинцевъ), дѣйствовавшій при помощи штыковъ и розогъ на полѣ брани. Впрочемъ, почему же ему и не воспользоваться случаемъ, разъ мѣстная газета соглашается безъ всякихъ оговорокъ печатать завѣдуемую ложь? За то, авось, онъ же милостивой рукой и пропуститъ какую-нибудь „хорошенькую статейку“...

Дѣло съ „бунтующими“ крестьянами состояло вотъ въ чемъ. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Поникольской волости, есть нѣсколько крупныхъ имѣній, принадлежащихъ бывшимъ владѣльцамъ крѣпостныхъ и охватывающихъ, какъ паутиной, крестьянскія земли сосѣднихъ девяти деревень. Черезполосица и неясность границъ владѣній — страшная. Осенью этого года одна изъ помѣщицъ, Рачинская, рѣшила обмежевать свои владѣнія, такъ какъ подозрѣвала, что сосѣдніе крестьяне уже лѣтъ 15 пользуются небольшимъ клочкомъ ея земли. Былъ приглашенъ казенный землемѣръ Грудзинскій, который и приступилъ къ дѣлу. Но крестьяне рѣшили не допускать межеванія, такъ какъ были увѣрены въ законности своего владѣнія. Нѣсколько разъ выѣзжалъ землемѣръ въ поле, но всякій разъ наталкивался на толпы мужиковъ, которые предлагали ему убираться по добру, по здорову. Грудзинскій сообщилъ о положеніи дѣлъ исправнику, а тотъ телеграфировалъ губернатору. Тотчасъ же на мѣсто „происшествія“ отправились тов. прокурора Чебышевъ и судебный слѣдователь. Мнѣнія раздѣлились: тов. прокурора указывалъ, что дѣло не такъ серьезно, чтобы пришлось прибѣгать къ силѣ, но землемѣръ Грудзинскій и исправникъ Жигманъ настаивали, что безъ военной силы не обойдешься, и въ этомъ смыслѣ была дана губернатору телеграмма. Немедленно же былъ снаряженъ батальонъ и во главѣ съ славнымъ Звягинцевымъ прибылъ на мѣсто дѣйствій. Губернаторъ приказалъ созвать мужиковъ изъ деревень (онѣ расположены неподалеку одна отъ другой), и когда тѣ собрались — велѣлъ имъ всей толпой отправиться въ лѣсъ и наломать воза два розогъ: „пороть васъ буду, с... дѣтей!“ Привезли мужички розогъ два воза, свалили ихъ въ кучу и по командѣ встали по одну сторону ея, а по другую расположились солдаты въ полномъ боевомъ порядкѣ. Между этими двумя людскими массами, рядомъ съ кучей розогъ, расположилось начальство, и Звягинцевъ сказалъ рѣчь къ мужикамъ. Говорилъ онъ о незаконности ихъ дѣйствій, о томъ, что они, такіе-сякіе, должны уважать всякое свое начальство, поставленное царемъ, и что ему, губернатору, ничего не стоитъ сейчасъ разложить ихъ всѣхъ и выпороть, а въ крайнемъ случаѣ — даже и подстрѣлить. Закончилъ напоминаніемъ извѣстнаго изреченія Александра III, „слушайтесь своихъ предводителей дворянства и земскихъ начальниковъ“.

Зачинщиковъ указывалъ урядникъ. Когда его слѣдователь спросилъ, кто сказалъ, что межевать не надо, — онъ отвѣтилъ, что не знаетъ, „всѣхъ ихъ видалъ съ открытыми ртами“. Дѣло обошлось безъ порки: достаточно было мужичкамъ собственными руками наломать для самихъ же себя розогъ!

Губернаторъ настаивалъ, чтобы крестьяне были привлечены по обвиненію въ бунтѣ, но тов. прокурора указывалъ, что здѣсь нѣтъ даже простого сопротивленія властямъ, а тѣмъ болѣе бунта. Въ результатѣ — межеваніе производится подъ прикрытіемъ батальона солдатъ, которые расквартированы по крестьянскимъ дворамъ, на полномъ ихъ содержаніи. 28 чел. арестовано и посажено въ Бѣльскую тюрьму, а дѣло передано слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ. Къ чести доблестнаго дворянства нужно отмѣтить слѣдующую подробность. Когда власти расположились въ гостепріимномъ домѣ помѣщицы Рачинской, то туда явился бѣльскій уѣздный предводитель дворянства графъ Уваровъ и отъ имени бѣльскаго дворянства благодарилъ губернатора за энергичную поддержку интересовъ благороднаго сословія.

Замѣчу въ заключеніе, что крестьяне были правы не допускать межеванія, такъ какъ по „Положенію“ 1899 г. (стт. 19 и 20) такъ-наз. административное размежеваніе возможно лишь при полюбовномъ соглашеніи смежныхъ владѣльцевъ.

Изъ Полтавской губ. Настроеніе крестьянъ послѣ весеннихъ безпорядковъ повсюду тревожное. Крестьяне очень озлоблены противъ дворянъ и вообще противъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. У насъ въ имѣніи рабочіе прекратили работу просто потому, что ихъ посылали въ поле въ дождливую погоду. Организаціи у рабочихъ, разумѣется, нѣтъ никакой; это темные люди, и, можетъ-быть, только десятая часть изъ нихъ грамотны. Но тѣмъ не менѣе всѣ были очень солидарны. Холодно, дождь идетъ, работать не хочется, и они спокойно идутъ домой. За рабочими пошли домой и женщины. Не помогъ ни урядникъ съ угрозами, ни протоколъ. Даже отъ мальчишекъ я слышалъ такія разсужденія: „насъ ругаютъ, что мы не желаемъ работать. Но зачѣмъ же мы станемъ трудиться для другихъ? — Какой-то крестьянинъ судился съ помѣщикомъ и проигралъ дѣло. Крестьянинъ далъ какому-то мальчишкѣ полтинникъ, и тотъ поджегъ стогъ сѣна у помѣщика. На судѣ мальчишка показалъ, что самъ „баринъ“ далъ ему денегъ и просилъ его поджечь стогъ. Помѣщикъ радъ, что хлѣбъ не былъ застрахованъ, — иначе самому бы нагорѣло.

Еще примѣръ. Помѣщикъ сжигаетъ на полѣ солому. Крестьянинъ, работавшій у него лѣтомъ, проситъ дать ему немного соломы. Помѣщикъ отказываетъ, и крестьянинъ тутъ же палкой бьетъ его по головѣ. Подобныхъ фактовъ очень много, и они характерны для переживаемаго времени. Крестьянинъ лежитъ въ своей полуразвалившейся хатѣ, грызетъ сухой хлѣбъ, а на работу къ помѣщику не идетъ. Только голодъ выгоняетъ его изъ дому. Многіе называютъ это лѣнью. Но я думаю, что озлобленіе противъ помѣщиковъ не позволяетъ ему наниматься въ батраки. „Пусть намъ скверно безъ работы, но и помѣщику безъ нея не сладко. Все равно скоро все будетъ наше“, такъ разсуждаютъ они. Помѣщичьи хозяйства съ каждымъ годомъ ухудшаются. Въ Полтавской г. ежегодно 20 тыс. дес. переходитъ отъ дворянъ въ руки крестьянъ. Но крестьянство отъ этого почти ничего не выигрываетъ, такъ какъ землю пріобрѣтаютъ кулаки, точно также эксплуатирующіе крестьянъ, какъ дворяне. Условія труда крайне тяжелы: рабочій получаетъ 40-60 руб. въ годъ при „всемъ готовомъ“. Подъ „всѣмъ готовымъ“ надо понимать: голыя доски для спанья, 1 куб. арш. воздуха и 5 коп. ежедневно на прокормленіе. Рабочее время неограниченно. Такъ же и штрафы. И такъ какъ крестьяне не умѣютъ считать, то часто имъ уплачиваютъ только половину заработной платы, а иногда и того меньше.

Одинъ изъ нашихъ помѣщиковъ устроилъ слѣдующую исторію. Осенью, когда работы кончены, хлѣбъ собранъ и застрахованъ, онъ поджегъ сарай съ хлѣбомъ. Тамъ погибло и нѣсколько рабочихъ. Остальнымъ рабочимъ онъ не заплатилъ ничего на томъ основаніи, что хлѣбъ сгорѣлъ. Рабочіе такъ и не получили ничего.

Изъ Черноболотни (Ряз. губ.). Весеннія событія даже наше стоячее болото, отъ котораго хоть три года скачи, ни до какого революціоннаго или хоть культурнаго центра не доскачешь, — взбаламутили до дна. Прежде всего еще по веснѣ сюда нагрянулъ урядникъ, которому предписано было предупреждать и пресѣкать революцію въ Черноболотнѣ, но онъ велъ свою пропаганду такъ невнятно, что крестьяне формулировали впослѣдствіи его рѣчи такъ: „теперь, де, ни пѣть, ни играть нельзя, потому по всей Россіи будто печаль идетъ“. Подробнѣе узнали объ этой „печали“ крестьяне гораздо позже, хотя все тоже отъ оффиціальныхъ же пропагандистовъ — земскихъ начальниковъ. Какъ извѣстно, имъ были разосланы тайныя предписанія объ антиреволюціонной агитаціи въ крестьянствѣ съ изложеніемъ вынуждающихъ къ этому фактовъ. Многіе изъ этихъ болѣе просвѣщенныхъ по сравненію съ урядниками оффиціозныхъ миссіонеровъ революціи — поняли все же свою роль очень просто: они собрали сходы и торжественно на нихъ „вычитывали“ совершенно секретный циркуляръ правительства. Для тѣхъ крестьянъ, которые были уже достаточно подготовлены этой предварительной агитаціей, какъ нельзя болѣе кстати, явились вскорѣ и самородные апостолы, снабженные впрочемъ въ отличіе отъ апостоловъ библейскихъ, и примѣнительно къ специфическимъ русскимъ условіямъ извѣстной печатью оффиціальности — т. наз. „волчьими билетами“. Эти апостолы въ стилѣ горьковскаго „проходимца“, проходя по деревнямъ и заходя въ избы поѣсть и отдохнуть, говорили такія рѣчи: „Вы, молъ, спины не очень гните! Уже не долго царю студентовъ то бить, и съ нимъ скоро порасправятся, и на него управа найдется, вотъ уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мужики то бунтоваться начали“ и т. д.

Послѣ такихъ рѣчей мужичкамъ уже не трудно было, разумѣется, догадаться, что „печаль“, о которой по веснѣ возвѣщалъ урядникъ, была — господской печалью.

Въ іюлѣ по сосѣдству съ Черноболотней случилось небывалое происшествіе — „обыскъ у самого земскаго, у самого барина“ *). Это событіе вызвало массу толковъ, не свидѣтельствующихъ о высокой просвѣщенности или политическомъ смыслѣ нашей Черноболотни. Такъ одни объясняли обыскъ тѣмъ, что „земчиха очень много книгъ читала нехорошихъ, въ которыхъ можно научиться, какъ полонъ домъ воды напустить и какъ изъ собакъ людей сдѣлать“. Другіе догадывались, что „господа хотятъ опять себѣ крестьянъ взять, а царь сначала никакъ не соглашался, потомъ схитрилъ и согласился отдать насъ боярамъ на три года, только безъ права суда, въ надеждѣ, что, неподчиненные суду помѣщиковъ, крестьяне успѣютъ за это время всѣхъ бояръ перерѣзать. Господа на это не согласились, вотъ ихъ царь и преслѣдуетъ.“

Больше чѣмъ въ политикѣ смыслятъ и интересуются наши крестьяне вопросомъ о землицѣ.

Вотъ образчикъ разговоровъ на эту тему въ Черноболотнѣ. Двумъ мужичкамъ были подробно разсказаны происшествія на югѣ, о которыхъ они имѣли лишь самое общее представленіе. „Такъ-то такъ, соображалъ по этому поводу старшій изъ собесѣдниковъ, но ежели у насъ такъ устроить, не выдетъ, не подойдетъ“. — Почему же, спросили его. — „Да потому, я полагаю земли то тамъ больше, а у насъ что! — развелъ онъ руками, — примѣрно разнесемъ мы сейчасъ нашего Самодурова, ну раздѣлимъ промежъ себя, да нешто мы одни тутъ? Вѣдь къ намъ сейчасъ и Неѣловскіе и Горѣловскіе пристанутъ, а земли-то гдѣ же взять, нешто на всѣхъ хватитъ?“ — „Ну да, не хватитъ, порывисто возразилъ ему его младшій товарищъ съ какимъ-то озлобленно-упрямымъ видомъ, а Собакевичъ**), а Разуваевъ***), небось, какъ пойдемъ качать-то, мало ихъ что-ли, всѣмъ хватитъ“.

Какъ видно, дебатируется у насъ вопросъ лишь о томъ, хватитъ или не хватитъ на всѣхъ землицы, о желательности же и возможности земельнаго равненія не возникаетъ и спора.

Характерно еще, что въ числѣ прочихъ сомнѣній, возникающихъ у крестьянъ высказывается опасеніе, что за отнятую у помѣщиковъ землю придется потомъ выплачивать новые выкупные платежи — „потому, вѣдь даромъ не дадутъ“.

Крестьяне чего-то ждутъ и иногда это проявляется по самымъ случайнымъ поводамъ. У одной помѣщицы, сдающей свою землю крестьянамъ, можно было наблюдать такую сценку. Помѣщица призвала къ себѣ своихъ арендаторовъ, чтобы поторопить ихъ со взносомъ слѣдуемой за истекшій срокъ платы и стала объяснять имъ, почему ей желательно было бы получить деньги поскорѣе. — „Да, да, конешно, а то какже, понимаю. — поддакивалъ „дядя Владиміръ“, вліятельнѣйшій въ деревнѣ хозяинъ, — понимаю, конешно, — повторялъ онъ, имѣя въ виду что-то совсѣмъ другое, и вдругъ неожиданно закончилъ свои успокоительныя поддакиванья такой репликой: „Вы, матушка, Пульхерія Ивановна, не сумлѣвайтесь, ежели въ случаѣ чего, мы васъ не выдадимъ, потому извѣстно, вы всегда добры къ намъ были.“

Классовое чувство ненависти къ „господамъ“ настолько уже назрѣло, что нерѣдко выливаются въ самыхъ рѣзкихъ формахъ.

„Ужъ и злоба же беретъ другой разъ на васъ, на господъ“, — прорывается вдругъ иногда какая-нибудь обычно забитая и смиренная Марфуня, и ея воодушевленно-карающее лицо горитъ пламенемъ жгучаго чувства негодованія и мести. — Вяжешь это въ полѣ, сверху солнышко такъ и жаритъ, такъ и обжигаетъ, а снизу тебѣ прямо въ лицо и грудь земля-матушка полымемъ пышетъ; поясницу разогнуть нельзя, вѣдь съ самаго утречка вдвое перегнувшись по полю ходишь; въ глоткѣ пересохло все и промочить-то ее нечѣмъ, въ кувшинѣ водицы-то ужъ ни званія нѣту; да въ пылищи вся, да грязная, потная вся, загорѣлая, руки растрескались, ломятъ, гудутъ, и глядишь это: вы идете себѣ полегоньку, потихоньку, подъ зонтикомъ, съ книжечкой, да полныя, да румяныя, да одѣты-то во все чистенькое, бѣлое, — ну будто вотъ рѣпка чистая, хорошая! Какъ увидишь это, такъ въ сердце-то все и перевернется. Господи, да что же это я то тутъ, какъ въ аду мучаюсь, мучаюсь, а они знай себѣ погуливаютъ! А другая-то изъ васъ пройдетъ это, да остановится и такъ ласково скажетъ: „а трудно тебѣ работать?“ — Ахъ идолъ те возьми! Взяла бы сама, да своими бѣлыми ручками-то повязала бы такъ, какъ я вотъ, до самаго солнышка... Да когда же это погибель на васъ, на господъ, придетъ!! Хучь бы моръ какой на васъ что-ли! Взяла бы палку, да выгнала бы всѣхъ бояръ на наше мѣсто — въ полѣ хоть денекъ поработать, небось жиръ бы спалъ, брюхо подвело бы у нихъ.

Нѣтъ, гремитъ уже Марфунька съ вѣрой и непоколебимой убѣжденностью пророчицы. Придетъ на васъ погибель, придетъ, ужъ покажемъ мы за наши обиды всѣмъ вамъ, боярамъ и господамъ, довольно вы надъ нами издѣвались!“

---

*) Кстати этотъ почему-то заподозрѣнный въ либерализмѣ земскій отданъ былъ подъ надзоръ крестьянъ своего участка, еще задолго до обыска, причемъ организовавшій этотъ надзоръ урядникъ соблазнялъ молодыхъ парней на амплуа добровольцевъ сыска красными кумачными рубашками и, разумѣется, продуктами отечественной „монополіи“.

**) Ех-предводитель первенствующаго сословія, владѣлецъ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ.

***) Скупающій въ большомъ количествѣ дворянскія земли, рыцарь первоначальнаго накопленія.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Ростовъ-на-Дону. Въ прошломъ номерѣ мы сообщили краткія свѣдѣнія о концѣ стачки. Помѣщаемъ теперь болѣе подробное описаніе событій, сопровождавшихъ окончаніе „борьбы ростовскихъ рабочихъ“. Начнемъ съ 17 ноября, чтобы дать мѣсто изложенію одного важнаго эпизода, не отмѣченнаго еще до сихъ поръ въ печати:

Въ воскресенье, 17 ноября, администраціей были приняты самыя рѣшительныя мѣры, чтобы не допустить сходки „на балкѣ“. На Темерникъ повалила масса народу, но вся она не была пропущена. Въ одномъ мѣстѣ, близь фабрики Панченко, толпа пыталась прорвать цѣпь, но моментально прилетѣли казаки, исколотили и прогнали публику нагайками. На Темерникѣ на каждомъ поворотѣ были поставлены кордоны изъ казаковъ, солдатъ и полицейскихъ. Стоило только сойтись пяти человѣкамъ, какъ христолюбивое воинство моментально обнажало шашки и, разсѣкая ими воздухъ, устремлялось форсированнымъ маршемъ на собравшихся. Поэтому, на Темерникѣ было чрезвычайное обиліе одиноко расхаживающихъ рабочихъ. Только въ одномъ мѣстѣ удалось собраться чел. 60-70, но и они были немедленно разогнаны. Тогда одинъ изъ вожаковъ рѣшилъ перенести сходку въ другое рабочее предмѣстье — на Пахаловку (Новое Поселеніе). Стоило только проронить нѣсколько разъ слова: „На Пахаловку“, какъ немедленно они стали передаваться изъ устъ въ уста. Черезъ часъ на Пахаловкѣ собралась толпа чел. въ 600. Но не успѣлъ ораторъ произнести рѣчь, какъ туда же пожаловала сотня казаковъ и безъ предупрежденія начала колотить нагайками толпу. Къ счастью, рабочіе собрались недалеко отъ кир пичнаго завода, гдѣ вся площадь усѣяна обломками кирпича. Градъ камней полетѣлъ въ казаковъ и заставилъ ихъ отступить. Оправившись отъ пораженія, казаки обнажили сабли и бросились рубить непокорныхъ, но градъ камней снова остановилъ ихъ воинственный натискъ. Оттѣснивъ казаковъ, рабочіе, опасаясь залповъ, бросились во дворы. Населеніе Нахичевани выступило имъ на помощь. Женщины и дѣти выносили рабочимъ ухваты и рогачи, собирали камни. Рабочіе изъ-за заборовъ очень удачно обстрѣливали казацкіе ряды. Казаки послали за подмогой, и скоро на мѣсто побоища примчались галопомъ еще четыре сотни казаковъ. Не дожидаясь ихъ прибытія, рабочіе поколотили еще казаковъ и разошлись. Послѣ этой битвы полицмейстеръ Колпиновъ издалъ распоряженіе, по которому жители Ростова обязаны были тщательно очистить свои дворы отъ камней и другихъ удобобросаемыхъ предметовъ. Виновные въ неисполненіи будутъ подлежать строгой отвѣтственности. Само собою разумѣется, что постановленія этого никто не исполнялъ. Въ городѣ даже распространился слухъ, что объявленіе это выпустилъ Донской Комитетъ, желая дискредитировать полицмейстера въ глазахъ населенія. Слухи эти, однако, ошибочны: это былъ не злостный памфлетъ, а подлинное распоряженіе начальства.

Въ тотъ же день было издано объявленіе, сообщавшее, что завтра, 18-го, въ мастерскихъ будетъ данъ призывной гудокъ на работу, по которому всѣ рабочіе должны явиться въ мастерскія, съ неявившимися будетъ поступлено по всей строгости закона. Можно было опасаться, что рабочіе станутъ на работу, но этого не произошло. Съ 6 час. утра до 2 час. дня 18 ноября нѣсколько разъ выли протяжные гудки. На работу стало всего чел. 60. Послѣ 2 час. по Темернику разъѣзжали „герольды“-казаки, громко кричавшіе: „Идите на работу! Горе вамъ будетъ! Вотъ увидите, какъ теперь съ вами поступать будутъ!“ и т. п.

19-го на зарѣ казаки стучали въ окна рабочимъ и звали ихъ на работу, грозя разными ужасами. Какъ и въ предыдущій день, было дано нѣсколько гудковъ и тѣмъ не менѣе на работу явилось всего 91 чел. У воротъ мастерскихъ стояло чел. 500, которые рѣшили не пускать на работу никого, но желающихъ идти работать было очень мало. Тутъ же рабочіе исколотили нѣсколькихъ мастеровъ за старые грѣхи.

20-го на работу явилось еще меньше рабочихъ, чѣмъ 19-го. Въ этотъ день началась административная высылка рабочихъ, обставленная варварскими подробностями. Громадные отряды полиціи, жандармовъ и казаковъ врывались въ квартиры рабочихъ и уводили кормильцевъ рабочихъ семей. Арестуемымъ не давали даже проститься съ семьей и не говорили, куда ихъ уводятъ. Ихъ вытаскивали изъ квартиръ, не давая собрать необходимыхъ пожитковъ, окружали казаками, державшими сабли наголо, и уводили межъ шпалерами конныхъ казаковъ, разставленныхъ отъ конца темерницкихъ улицъ до вокзала. Между рабочими стали распространяться разные дикіе слухи о судьбѣ арестуемыхъ (ссылка въ Сибирь, избіеніе и даже казнь стачечниковъ), при чемъ слухи поддерживались и старательно раздувались чинами полиціи. 21 и 22 ноября административныя высылки и аресты продолжались — брали безъ всякаго разбора. Высылки производили на рабочихъ удручающее впечатлѣніе. Къ тому же 22 ноября кѣмъ-то былъ пущенъ слухъ, что масса рабочихъ выдаетъ расписки въ томъ, что она желаетъ стать на работу, но ей не позволяютъ это дѣлать вожаки. Говорили, что уже „записалось“ болѣе 1500 чел. и что нежелающимъ работать дорога выдаетъ разсчетъ, а полиція немедленно выселяетъ изъ города. Несмотря на усилія организованныхъ рабочихъ, разубѣдить массу въ томъ, что все это неправда, не удалось. Вдобавокъ въ этотъ день прибыли солдаты ж.-дор. батальона Закаспійской ж. д., въ количествѣ 250 чел. Власти распространяли слухи, что сюда прибудутъ еще 1500 солдатъ, при помощи которыхъ работы будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока рабочіе сдадутся. Тѣмъ не менѣе, была полная увѣренность, что рабочіе продержатся еще нѣсколько дней. Вопреки этимъ ожиданіямъ, 23 ноября въ мастерскія на работу явилось около тысячи чел. Тогда организованные и наиболѣе боевые рабочіе явились въ мастерскія якобы на работу. Но работать они не стали, а стали расхаживать по цехамъ и отпускать по адресу работающихъ язвительныя словечки; іуды, измѣнники, предатели, трусы и т. д. На работающихъ крики эти производили очень сильное впечатлѣніе, и днемъ всѣ рабочіе, за исключеніемъ электро-механическаго цеха, бросили работу и собрались на сходку въ сборный цехъ. Послѣ рѣчи, сказанной однимъ изъ рабочихъ, большинство высказывалось за то, чтобы продолжать стачку. Въ это время на сходку явился начальникъ мастерскихъ Дзевонскій и началъ убѣждать рабочихъ прекратить стачку, обѣщая удовлетворить главнѣйшія требованія, за исключеніемъ 9-час. раб. дня. До тѣхъ поръ, пока рабочіе не станутъ на работу, говорилъ Дзевонскій, мы не имѣемъ права, согласно распоряженію мин. путей сообщенія, вступать съ вами въ переговоры, такъ какъ законъ признаетъ васъ мятежниками и бунтовщиками. Дзевонскій тутъ же поклялся, что часть требованій будетъ удовлетворена; въ противномъ случаѣ онъ отдаетъ себя на судъ рабочихъ. Въ концѣ концовъ, между Дзевонскимъ и рабочими было достигнуто соглашеніе: рабочіе должны стать на работу, а черезъ недѣлю имъ будетъ объявлено, какія требованія удовлетворены. На воскресенье, 24 ноября, былъ назначенъ молебенъ по случаю достигнутаго соглашенія. На молебнѣ депутаты отъ рабочихъ требовали, чтобы была отслужена панихида „по невинноубіеннымъ“ во время стачки. Священникъ отказался служить.

Несмотря на все это, 25 ноября около тысячи рабочихъ не явились въ мастерскія. Но продолжать дальнѣйшее сопротивленіе было невозможно; это значило бы произвести расколъ между рабочими, который закончился бы междоусобнымъ побоищемъ. И Комитетъ въ вышедшей 26 ноября прокламаціи не призывалъ къ продолженію стачки, но предупреждалъ рабочихъ, что здѣсь можетъ быть ловушка, и потому совѣтовалъ, какъ только дорога начнетъ оттягивать отвѣтъ, немедленно вновь бросать работу. 26 ноября, на 23 день, всѣ стачечники работали. Въ этотъ же день Дзевонскій заявилъ во всѣхъ цехахъ, что могутъ быть удовлетворены слѣд. требованія: повышеніе платы на 20 проц.; повышеніе платы чернорабочимъ на 67 проц. (съ 60 коп. до 1 руб.), прекращеніе работъ по субботамъ и наканунѣ праздниковъ въ 2 часа дня; выдача по 15 руб. въ случаѣ рожденія ребенка или смерти кого-либо изъ членовъ семьи рабочаго; выдача шести проѣздныхъ билетовъ въ годъ; устройство новыхъ проходныхъ будокъ и еще пара мелкихъ требованій.

Въ субботу должны были объявить окончательно, какія требованія удовлетворены, но вмѣсто объявленія одинъ изъ мастеровъ, Фонинетти, отъ имени управленія дороги заявилъ, что рабочіе все еще волнуются, а потому дорога откладываетъ отвѣтъ до тѣхъ поръ, пока рабочіе не успокоятся. Комитетъ выпустилъ новую прокламацію и, указывая, что рабочихъ нагло надули, призывалъ ихъ къ новой стачкѣ и къ демонстраціи. Но вызвать новой стачки не удалось: рабочіе слишкомъ изголодались и задолжали, къ тому же приближаются праздники, что настраиваетъ умы совсѣмъ не на боевой ладъ, особенно въ виду того, что за все время, въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца, среди рабочихъ не видно было ни одного пьянаго.

Требованій до сихъ поръ не удовлетворяютъ, не видя надлежащаго успокоенія. Пока-что, удалены мастера Вицкевичъ и Чернявскій и врачъ Поповъ; въ мастерскихъ начинаютъ строить проходныя будки.

Послѣ такого конца стачки естественно было ожидать сильной реакціи, но ея не замѣчается. Большинство рабочихъ говоритъ о новой стачкѣ. Одни предлагаютъ начать ее въ январѣ; другіе находятъ необходимымъ хорошо подготовиться и пріурочиваютъ ее къ первому мая. Весной, говорятъ рабочіе, мы сможемъ три мѣсяца держаться.

Политическое недовольство замѣчается даже у самыхъ отсталыхъ, религіозныхъ стариковъ-рабочихъ.

Только среди нѣкоторой части рабочихъ (преимущественно электро-механическій цехъ) наступила реакція, сказавшаяся въ томъ, что часть послѣднихъ прокламацій была унесена въ контору. Эти рабочіе ругаютъ Комитетъ за то, что онъ ихъ „впуталъ въ политику“. Не будь „политики“ и, главнымъ образомъ, словъ: „Долой самодержавіе“, — все было бы хорошо, и всѣ требованія были бы удовлетворены. Къ счастью, такихъ рабочихъ ничтожный процентъ; нѣсколько больше такихъ, которые думаютъ, что царь ничего о ростовскихъ событіяхъ не знаетъ; въ противномъ случаѣ, онъ сослалъ бы атамана на каторгу.

Почва для работы теперь великолѣпная; къ сожалѣнію, сѣятелей нѣтъ или ихъ слишкомъ мало. — — —

Вотъ еще выдержки изъ письма въ „Искру“, доставленнаго намъ нѣсколько кружнымъ путемъ:

„Хочу подѣлиться съ вами впечатлѣніемъ, какое произвелъ на меня Ростовъ послѣ колоссальныхъ митинговъ, происходившихъ тамъ въ теченіе 8-9 дней и преобразившихъ въ извѣстномъ смыслѣ физіономію города. Населеніе его иначе не понимало движенія, какъ чего-то, что должно вылиться въ погромъ. А тутъ, стекаясь ежедневно на сходки рабочихъ, оно увидѣло сознательную, благородную, дисциплинированную массу, съ напряженнымъ вниманіемъ слушавшую рѣчи вождей и повиновавшуюся ихъ приказаніямъ. Населеніе услыхало здѣсь свободное слово, вылившееся изъ глубины души, почувствовало, на чьей сторонѣ правда, и, что всего важнѣе, увидѣло силу, которой боится полиція. Оно увидѣло, что полиція далеко не такъ всесильна, какъ это раньше казалось, и подняло голову: перестало трусить, открыто давало деньги для стачечниковъ и открыто выражало имъ свое сочувствіе. Съ другой стороны, оно увидѣло защитниковъ престола — дикихъ казаковъ, и врядъ-ли найдется кто-либо, кто не говоритъ съ ненавистью о казакахъ. Былъ, напр., такой случай. Вагоновожатый отказался вести вагонъ трамвая, пока не слѣзетъ сѣвшій казакъ, и тотъ принужденъ былъ слѣзть. Выстрѣлы не произвели угнетающее впечатлѣніе, а наоборотъ, озлобили населеніе. Вообще, населеніе не узнать. Очень важно то обстоятельство, что движеніе было вполнѣ организованнымъ. Комитетъ заранѣе распредѣлилъ роли, кому дать свистокъ, кому позвать оратора, кому этбить мастеровъ и пропустить оратора. И въ тотъ же день, т. е. 4 ноября, вышла первая печатная прокламація Комитета съ призывомъ къ стачкѣ и съ выставленными требованіями. Комитетъ во время ноябрьскихъ дней выпустилъ около 26 тыс. экз. прокламацій. Типографія жива и здорова, хотя ходятъ слухи объ арестѣ ея то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ. Съ особеннымъ удовольствіемъ разсказываютъ, что она найдена подъ той гостинницей, гдѣ останавливался атаманъ. Интересно, что всѣ называютъ ее „типографія Донского Комитета“. Типографія была устроена незадолго до стачки. Обошлась она недорого, благодаря активному участію въ дѣлѣ нѣкоторыхъ очень ловкихъ рабочихъ. До стачки въ Комитетѣ шла усиленная организаціонная работа. Было, кажется, 13 кружковъ, въ нихъ представители разныхъ фабрикъ и заводовъ. Всѣхъ организованныхъ рабочихъ было, должно быть, чел. 120. Уставъ кружковый налагалъ извѣстныя обязательства, неисполненіе которыхъ наказывалось исключеніемъ и т. п. Человѣкъ восемь бѣжало изъ Ростова. Изъ нихъ часть имѣла отношеніе къ Комит., который нѣсколько ослабленъ, но продолжаетъ энергично дѣйствовать. Тяжелое впечатлѣніе производитъ массовая высылка рабочихъ на родину. Остаются семьи безъ хлѣба, безъ топлива. Высылаютъ безъ особеннаго разбора. Выслано уже свыше 200 чел. Въ числѣ высланныхъ есть и организ. раб.“.

Дальнѣйшія извѣстія: Пріѣхавшій въ Ростовъ фон-Валь (подробности его пребыванія сообщимъ) приказалъ принять обратно на службу уволенныхъ мастеровъ — Вицкевича и Чернявскаго. Появленіе ихъ въ мастерскихъ вызвало цѣлую бурю негодованія. Чернявскій забрался въ контору и не высовывалъ оттуда носа. Вицкевичъ же осмѣлился въ сопровожденіи казаковъ пойти въ котельный цехъ, которымъ онъ завѣдывалъ. Какъ только онъ переступилъ порогъ цеха, сейчасъ же работа пошла значительно тише, а въ воздухѣ начали циркулировать по всѣмъ направленіямъ гайки, заклепки и т. п. предметы, съ зловѣщимъ стукомъ ударявшіеся о стѣнки цеховъ. Вицкевичъ благоразумно поспѣшилъ ретироваться.

Послѣ этого, рабочіе отправили къ управляющему дорогой депутацію съ категорическимъ требованіемъ сообщить, какія именно требованія дорога удовлетворитъ и когда именно. Въ отвѣтъ на требованіе, управляющій вывѣсилъ объявленіе слѣдующаго содержанія: „Объявленіе. Сегодня, 12 декабря, мною лично объявлено выборнымъ отъ мастеровыхъ и рабочихъ ростовскихъ мастерскихъ, что настоящимъ подтверждаю: что въ виду той формы, въ какой были заявлены желанія и претензіи мастеровыхъ и рабочихъ, я давать этимъ претензіямъ дальнѣйшаго хода не имѣю права и не могу. Мастеровые и рабочіе должны работать на основаніи добровольно принятыхъ ими существующихъ условій и требованій рабочей книжки, съ соблюденіемъ полнаго порядка и дисциплины и что только убѣдившись въ строгомъ, точномъ и спокойномъ исполненіи мастеровыми и рабочими принятыхъ ими по рабочей книжкѣ обязанностей, я получу право разсмотрѣть въ законномъ порядкѣ выраженныя желанія и претензіи и дать дальнѣйшій ходъ ходатайству мастеровыхъ и рабочихъ. Декабря 12 дня 1902 года. Подлинное: управляющій дорогой Иноземцевъ. Съ подлиннымъ вѣрно: начальникъ главныхъ мастерскихъ Дзевонскій.“

На это объявленіе будетъ немедленно отвѣчено прокламаціей.

Перепечатываемая нами прокламація Донского Комитета подводитъ итогъ замѣчательнымъ событіямъ, даетъ въ высшей степени яркую и вѣрную оцѣнку имъ и дѣлаетъ практическіе выводы, которые никогда не устанетъ повторять соц.-демократія. Прокламація эта была издана въ 6500 экз. и разослана въ декабрѣ въ разные города Россіи:

КЪ ГРАЖДАНАМЪ ВСЕЙ РОССІИ.

Правительство измѣнило своей обычной тактикѣ — замалчивать рабочія волненія или сообщать о нихъ тогда, когда уже вся Россія знаетъ о происшедшихъ событіяхъ изъ частныхъ слуховъ, писемъ или подпольной печати. 4 ноября рабочіе мастерскихъ Влквк. ж. д. въ Ростовѣ забастовали, а 19-го, въ разгаръ стачки, въ „Прав. Вѣстникѣ“ появляется оффиціальное сообщеніе, по обыкновенію полное лжи и лицемѣрія; оно стремится приписать „буйной толпѣ“ рабочихъ „назойливость“, „глумленіе“ и полную безсознательность требованій, а войско и администрацію представить въ умилительномъ образѣ ангела-хранителя порядка и законности. Дипломированные писатели департамента полиціи пытаются придать рабочимъ „безпорядкамъ“ въ Ростовѣ и Тихорѣцкой исключительно экономическій характеръ, — и въ этомъ первая, самая грубая и возмутительная ложь оффиціальнаго сообщенія. Правда, начавъ стачку, ростовскіе рабочіе предъявили рядъ требованій, не заключавшихъ въ себѣ политической тенденціи, — иного характера и не могла носить ихъ первоначальная борьба съ хозяевами. Но достаточно было агитаторамъ приложить усилія, — и смутное политическое броженіе превратилось въ ясное политическое сознаніе. Да и само правительство способствовало этому. Уже на третій день стачки рабочимъ стало извѣстно, что въ ихъ борьбу съ предпринимателями вмѣшалось правительство, что ихъ требованія встрѣтили отказъ не въ управленіи дороги, а со стороны правительства, въ лицѣ министра путей сообщенія. Рабочіе увидѣли, какъ вся несмѣтная стая царскихъ слугъ слетѣлась для того, чтобы задушить рабочее движеніе, подавить стремленіе рабочихъ къ счастью и свободѣ. Тысячи казаковъ были мобилизированы противъ ростовскихъ рабочихъ. Весь городъ превратился въ военный лагерь, двинули даже артиллерію... Пользуясь смятеніемъ властей, растерявшихся въ первое время, Донской Комитетъ, пока не прибыли войска, организовалъ народныя собранія, какихъ еще не знало революціонное движеніе въ Россіи. Въ теченіе цѣлой недѣли, сперва въ мастерскихъ, а затѣмъ въ громадной „балкѣ“, самой природой предназначенной для народныхъ митинговъ, собиралась многотысячная толпа рабочихъ, чтобы впервые услышать свободное, смѣлое слово о рабочей нуждѣ, о политическомъ гнетѣ, давящемъ Россію, чтобы впервые открыто читать ежедневно появлявшіяся прокламаціи. Нѣсколько ораторовъ въ рядѣ рѣчей разъясняли рабочимъ значеніе выставленныхъ стачечниками требованій, подвергали рѣзкой критикѣ самодержавно-полицейскій строй, выясняли сущность политической борьбы, ея необходимость для рабочихъ. Собранія эти, протекавшія въ изумительномъ порядкѣ и ничѣмъ не отличавшіяся отъ митинговъ на западѣ, не могли не оставить глубокаго слѣда въ рабочихъ, не могли не вывести экономической борьбы на широкую дорогу политической демонстраціи и протеста всего рабочаго населенія Ростова. Проклятія по адресу самодержавнаго правительства и призывъ къ полит. свободѣ встрѣчали взрывъ энтузіазма въ раб. массѣ, которую не теорія, не фраза, а сама жизнь приближала къ сознанію необходимости свободы стачекъ и союзовъ, собраній и печати, къ сознанію, что безъ участія народныхъ представителей въ управленіи страной масса никогда не добьется лучшихъ условій жизни. Удивительно-ли, что правительственное сообщеніе ни словомъ не обмолвилось объ истинномъ характерѣ ростовской стачки? Организованныя 20-ти и даже 30-титысячныя собранія рабочихъ, политическія рѣчи, строгая дисциплина стачечниковъ и единодушныя резолюціи въ пользу политическихъ правъ народа, — какъ все это далеко отъ „буйной“ шайки нарушителей „общественой тишины и спокойствія“, — этого трафарета, по которому строятся всѣ сообщенія правительства объ освободительномъ движеніи народныхъ массъ!

Зато для восхваленія храбраго воинства правительственное посланіе не жалѣетъ словъ и красокъ... „Рабочіе позволяли себѣ глумиться надъ войсками“... „назойливость рабочихъ достигла крайнихъ предѣловъ“... „Рабочіе не только не пожелали разойтись, но даже стали бросать въ войска камни“... — этимъ правительство пытается оправдать ружейные залпы въ беззащитную толпу. Здѣсь все отъ перваго до послѣдняго слова гнусная ложь!

Въ Ростовѣ бойня была произведена 11 ноября. Съ ранняго утра казаки стали разгонять прикладами и пиками являвшихся на сходку. И тогда началась героическая борьба. Въ кровавомъ бою, цѣною человѣческихъ жизней, — рабочіе покупали себѣ свободу сходокъ и свободу слова. Десять разъ они отбивали и обращали въ бѣгство казаковъ. Въ концѣ концовъ казаки отступили, обычный митингъ состоялся. И уже послѣ собранія, когда на мѣстѣ сходки остались дѣти, да кучка любопытныхъ, брошенный мальчишкой камень попалъ въ казака, и этого было достаточно, чтобы воспламенить воинственный пылъ донскихъ башибузуковъ. Казаки врѣзались въ кучу женщинъ и дѣтей, началось избіеніе; и вотъ среди этой свалки, безъ всякаго предупрежденія, раздался внезапно залпъ, разсѣявшій толпу. Убитыхъ оказалось вопреки сообщенію правительства, не 4, а 6, а раненыхъ болѣе двухъ десятковъ.

Еще ужаснѣй были дѣйствія войскъ въ Тихорѣцкой: здѣсь, въ малонаселенномъ поселкѣ, среди пустынной степи, вдали отъ нескромныхъ взоровъ любопытствующихъ горожанъ, звѣрства царскихъ опричниковъ достигли высшихъ размѣровъ. 17 ноября не успѣли рабочіе собраться, какъ на нихъ была пущена дикая рать казаковъ. Рабочіе, по примѣру ростовскихъ товарищей, сѣли, а потомъ даже легли на землю въ надеждѣ, что казацкая нагайка не коснется лежачаго. Но напрасная надежда: казаки врѣзались въ груду человѣческихъ тѣлъ, разсѣкая ее шашками и нагайками. Рабочіе поднялись на ноги, съ безпримѣрнымъ мужествомъ отбивались отъ казаковъ и обратили ихъ въ бѣгство. Тогда въ толпу посыпались ружейные выстрѣлы. Подавленные силой, рабочіе разбѣгаются по домамъ, но казаки, опьяненные жаждой крови, преслѣдуютъ ихъ, какъ загнанныхъ звѣрей, и колотятъ, никого и ничего не разбирая...

Рабочій Обоенко, не бывшій даже на сходкѣ, идетъ домой съ ведрами воды на плечахъ, — казакъ выстрѣломъ въ упоръ убиваетъ его наповалъ; другой, преслѣдуя рабочаго, врывается въ его домишко, жена рабочаго пытается остановить бандита, но тотъ выхватываетъ шашку и однимъ взмахомъ распарываетъ ей животъ... Не довольствуясь дикой расправой, атаманъ отдаетъ приказъ выселить всѣхъ рабочихъ изъ желѣзнодорожныхъ казармъ. Начинается настоящій погромъ... Убогіе пожитки пролетаріевъ летятъ на улицу, грудныхъ младенцевъ швыряютъ черезъ окно, кубанцы ломаютъ сундуки и грабятъ имущество бѣдняковъ!.. На мѣстѣ сраженія валяются отрубленныя части человѣческаго тѣла, нѣсколько труповъ и масса тяжело раненыхъ. Такъ дѣйствовало славное русское воинство, такъ расправлялось со стачечниками народолюбивое правительство! Такъ правда глаголетъ устами департамента полиціи!*)

Тяжела и самоотверженна борьба рабочихъ, многими жертвами и пораженіями сопровождается она, но каждый день приближаетъ насъ къ побѣдѣ, все больше и больше появляется фактовъ, свидѣтельствующихъ о силѣ революціонной энергіи, скрывающейся въ нѣдрахъ ихъ массы. Кто могъ предвидѣть, что въ 1900 году харьковскіе рабочіе впервые поднимутъ красное знамя политической демонстраціи? Кто за недѣлю до стачки могъ предсказать, что рабочіе почти всѣхъ ростовскихъ фабрикъ обнаружатъ чисто европейскую дисциплину, съ сочувствіемъ будутъ слушать политическія рѣчи и на вопросъ, поставленный собранію, „нужна-ли политическая свобода?“ — единодушно отвѣтитъ: „да, нужна!“ Вихрь событій, пронесшійся въ теченіе нѣсколькихъ дней по юго-востоку Россіи, показалъ пробужденіе рабочаго класса, силу развившейся въ немъ классовой солидарности и политическаго сознанія. Достаточно было возникнуть стачкѣ на ростовскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, чтобы забастовали рабочіе еще нѣсколькихъ крупныхъ фабрикъ; стоило проникнуть прокламаціямъ въ Тихорѣцкую и Новороссійскъ, какъ тамъ всѣ рабочіе бросили работу. Движеніе сразу приняло ярко политическій характеръ; тысячи рабочихъ, до того слабо затронутые пропагандой, воочію убѣждались въ истинномъ значеніи самодержавнаго строя и до боли осязательно почувствовали насущность политической свободы. Такой характеръ ростовской стачки, охватившей нѣсколько тысячъ рабочихъ, не долженъ пройти безслѣдно, теперь, въ минуту крайней реакціи, общественной растерянности и предсмертныхъ судорогъ самодержавія. Въ то время, какъ университетская молодежь колеблется и готова примириться съ объѣдками жалкой „автономіи“, а либералы, польщенные учрежденіемъ комитетовъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, изобрѣтаютъ подпорки для гнилого зданія самодержавія и униженно выслушиваютъ издѣвательства лейб-жандарма Плеве, — одинъ только пролетаріатъ высоко держитъ знамя борьбы и среди всеобщаго мрака не угашаетъ свѣточа свободы. Эта позорная трусость командующихъ классовъ въ настоящую минуту особенно рельефно оттѣняетъ революціонную и соціально-прогрессивную роль пролетаріата. Политическая тенденція ростовскихъ событій даетъ лишній поводъ подчеркнуть первенствующее значеніе пролетаріата въ освободительномъ движеніи и потому должны повсюду вызвать сочувствіе и поддержку, чтобы этимъ подкрѣпить ихъ значеніе и показать солидарность всего раб. класса Россіи; звѣрская расправа со стачечниками, трупы убитыхъ борцовъ и страданія сотни раненыхъ взываютъ къ протесту и открытому негодованію. Стыдно сказать — насилія противъ рабочихъ проходили до сихъ поръ для правительства безнаказанно. Мученическая смерть Маріи Вѣтровой, избіеніе московскихъ студентовъ дворниками, побоище на Казанской площади въ Петербургѣ — приводили къ протесту и даже демонстраціямъ, въ то время, какъ смертоносные выстрѣлы въ рабочихъ „молодцовъ-фанагорійцевъ“, кубанскихъ и донскихъ зулусовъ замирали съ послѣднимъ вздохомъ жертвъ... Пора положить конецъ столь постыдному равнодушію! Пора дать почувствовать правительству, что каждый выстрѣлъ въ рабочихъ, каждая пущенная въ ходъ нагайка всколыхнетъ революціонную волну, которая съ увеличенной силой прокатится по всей Руси, какъ грозное напоминаніе о смерти дряхлому самодержавію, какъ заря грядущей молодой Россіи...

---

*) Подробное описаніе стачки и сопровождавшихъ ее событій Комитетъ издастъ въ видѣ брошюры въ непродолжительномъ времени.

Ростовская стачка, какъ частное дѣло ростовскихъ рабочихъ закончена; требованія рабочихъ, по всей вѣроятности, будутъ удовлетворены, а политическое значеніе происшедшихъ волненій не замедлитъ сказаться въ будущемъ. Но того, конечно, мало. Для великаго дѣла политическаго освобожденія страны ростовская стачка только тогда сыграетъ свою роль, когда она встрѣтитъ сочувствіе среди всѣхъ протестующихъ элементовъ, когда въ той или иной формѣ ее поддержатъ революціонныя организаціи русскаго пролетаріата. Пусть же пожаръ, вспыхнувшій на Дону, разгорится грознымъ пламенемъ, пусть въ отвѣтъ на ружейные залпы могучимъ эхомъ прогремятъ демонстраціи, пусть стоны жертвъ покроетъ громъ протеста, пусть повсюду такъ же единодушно, какъ въ Ростовѣ, вынесутъ смертный приговоръ самодержавію, гнетущему страну.

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ грядущая революція!

Ростовъ-на-Дону, ноябрь 1902 г.

Донской Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Тверь. Здѣшній Ком. Рос. С.-Д. Р. П. выпустилъ „Летучій листокъ № 2“, помѣченный 14 декабря и озаглавленный „Памяти декабристовъ“. Разсказавъ вкратцѣ о событіи 14 дек. 1825 г., листокъ отмѣчаетъ, что изъ двухъ главныхъ требованій декабристовъ выполнено за 76 лѣтъ только одно: отмѣна крѣпостного права. Второе же ихъ требованіе — участіе народа въ управленіи государствомъ, другими словами — политическая свобода, до сихъ поръ остается невыполненнымъ. „Товарищи-рабочіе! — заканчиваетъ листокъ. Сегодняшій день — день памяти первыхъ мучениковъ русской свободы! Пусть имена ихъ будутъ вамъ близки и дороги, пусть дѣло, за которое они погибли, сдѣлается вашимъ собственнымъ дѣломъ! Когда массы рабочихъ людей станутъ вокругъ знамени, на которомъ написано: „Да здравствуетъ политическая свобода!“, тогда падетъ твердыня царскаго самодержавія. Подъ страхомъ крестьянскихъ возстаній оно было вынуждено отмѣнить крѣпостное право; упорной борьбой мы добьемся и политической свободы. Разносите же, товарищи, во всѣ стороны нашъ боевой кличъ: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія!“ Чѣмъ скорѣе онъ будетъ извѣстенъ всей Россіи отъ мала до велика, тѣмъ скорѣе мы побѣдимъ!“

Изъ Ставрополя-Кавказскаго. По линіи Владикавказской ж. д. въ сентябрѣ пришлые на заработки крестьяне въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ поломали машины вслѣдствіе безработицы. Администрація напугана и цѣлыми вагонами отправляетъ „бунтовщиковъ“ на родину. Настроеніе среди безработныхъ крайне приподнятое. Въ мѣстныхъ деревняхъ очень много толкуютъ объ этихъ происшествіяхъ; во многихъ случаяхъ выражаются симпатіи къ безработнымъ. Среди безработныхъ много крестьянъ Черниговской и Харьковской губ.

Приводимъ „Постановленіе“ пом. нач. жандармскаго Терскаго Областного Управленія, на основаніи котораго былъ арестованъ 28 іюня 1902 г. Н. П. Безсмѣновъ:

„Постановленіе № 4. Губ. Гор. Ставрополь.

„Пом. нач. жанд. Терск. Областн. Упр. въ Ставрополѣ, ротмистръ Скальковскій, усматривая, что еще въ 1897 г. Николай Безсмѣновъ обвинялся въ возмущеніи крестьянъ противъ властей и что по этому поводу, по распоряженію главнокомандующаго на Кавказѣ, произведено было дознаніе, что Ник. Безсмѣновъ въ устроенномъ имъ поселкѣ „Николина Пристань“ внушалъ крестьянамъ превратныя понятія, — совѣтуя имъ сопротивляться администраціи и суду, что въ февралѣ 1902 г. онъ участвовалъ въ преступныхъ безпорядкахъ, бывшихъ въ Москвѣ и Петербургѣ, что есть основаніе предполагать его участіе въ возмущеніи крестьянъ, бывшихъ въ мартѣ с. г. въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, въ апрѣлѣ въ Альмавирѣ, въ маѣ въ Тихорѣцкой, Кутаисской обл., что по донесеніи полиціи Ставропольскаго и Новогригорьевскаго уѣздовъ Ставропольской губ. въ февралѣ 1902 г. онъ привезъ и распространилъ среди населенія 500 экз. брошюры преступнаго содержанія подъ заглавіемъ „Вторая воля“, что при личномъ обыскѣ, произведенномъ силой (добровольно Николай Безсмѣновъ обыскивать себя не далъ) у него найдены тенденціознаго содержанія рукописныя произведенія подъ заглавіемъ: „Разрушенный молъ“ и „Есть на Волгѣ утесъ“, что на вопросъ о сообщникахъ отвѣтилъ съ глумленіемъ: „съ собой ихъ у меня нѣтъ“, — въ виду означеннаго постановлено: Ник. Ник. Безсмѣнова, какъ изобличеннаго въ госуд. прест., на основ. 27 ст. полож. о Госуд. Охранѣ, заключить въ секретную камеру Ставропольской Губ. Тюрьмы, строго предписавъ смотрителю оной имѣть особое наблюденіе надъ означеннымъ секретнымъ арестантомъ и ключъ отъ камеры имѣть у себя. Скальковскій.

„Объявлено 28 іюня 1902 г., 11 час. ночи“.

Севастополь. Наканунѣ пріѣзда царя изъ Ливадіи въ нашъ городъ была выпущена здѣсь прокламація, разъясняющая рабочимъ непримиримость ихъ интересовъ съ самодержавіемъ. Прокламація заканчивается словами: „Не крикомъ „ура“, а крикомъ „это злодѣй и кровопійцы“ встрѣчай ихъ (царя и министровъ), русскій народъ, гдѣ бы они ни показались! Долой самодержавіе! Довольно самоуправства!“

Изъ Посада Азова, Донской Области. Нѣтъ, кажется, въ настоящее время на Руси такого глухого уголка, куда бы не достигали отголоски тѣхъ раскатовъ политической борьбы, которые изъ конца въ конецъ проносятся по странѣ, взбудораживая сонную мысль обитателя темныхъ медвѣжьихъ берлогъ и вселяя собой страхъ и трепетъ въ сердца лакействующей царской провинціальной рати. Такъ въ началѣ октября утромъ (около 9-10 часовъ) обыватели тихаго города Азова, населеннаго невѣжественными донскими казаками, которые издавна славились своими особенно „дикообразными“ нравами, прочитали на фонарныхъ столбахъ и заборахъ „диковинное“ „объявленіе“. Обыкновенно они привыкли читать разныя „объявленія“ отъ своего наказного атамана Максимовича, а здѣсь и не разобрать было, отъ кого. Не то отъ „атамана“, не то не „отъ него“... Въ этомъ объявленіи говорилось о политическихъ правахъ, за которыя нужно „бороться“ и вырывать ихъ изъ рукъ „царя и его слугъ“, для того, чтобы стать народу свободнымъ и сильнымъ, чтобы никто надъ нимъ не издѣвался и т. д. Слова въ „объявленіи“ были все „мудреныя“, отъ которыхъ азовчанъ бросало въ потъ и въ жаръ, такъ какъ никогда имъ раньше о такихъ „словахъ“ не приходилося не только слышать, но даже и читать. И къ столбамъ и заборамъ собирались мало-по-малу кучки народа, а такъ какъ день былъ базарный и вся площадь была запружена народомъ, то вскорѣ почти вся базарная толпа хлынала сюда. Въ толпѣ были казаки изъ станицъ близь лежащихъ къ Азову. Нашлись такіе изъ толпы, которые бывали въ Ростовѣ, слыхали про соціалистовъ и рабочихъ, которые хотятъ „народу волю дать“ и, прочитавши такія „объявленія“, срывали ихъ и прятали по карманамъ, чтобы прочитать ихъ своимъ станичникамъ. Говорятъ, что почти всюду по посаду были расклеены до полуторы тысячъ прокламацій, а также и разбросаны. Посадскія власти вначалѣ не обращали никакого вниманія, но около полудня распорядились ихъ сорвать, но многія прокламаціи были такъ крѣпко приклеены, что ихъ пришлось замазывать, разгоняя при этомъ любопытную толпу. Прокламаціи всѣ были соц.-демократическія. Въ посадѣ послѣ этого событія только и разговоровъ, что про „объявленія“, которыя „больно хорошо написаны“, какъ говорятъ обыватели-азовчане. Власти, по обыкновенію, растерялись. Пріѣзжали изъ Ростова жандармы, но никакихъ „корней и нитей“ имъ въ богоспасаемомъ градѣ отыскать не удалось. Послѣ же пріѣзда жандармовъ здѣшнія власти совершенно взвинтились и страшно „нервничали“, что выразилось, между прочимъ, въ томъ, что они устроили ночные патрули съ цѣлью накрыть и выловить „всѣхъ соціалистовъ“. Особенно сильное впечатлѣніе прокламаціи произвели на мѣстныхъ ремесленниковъ, которые послѣ этого начали разговаривать на ту тему, что не пора-ли „молъ и намъ за умъ взяться“ и подобно ростовскимъ рабочимъ добиваться правъ

ИЗЪ ПАРТІИ.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ БРЮССЕЛѢ 29 ДЕК. 1902 Г.

На одной изъ предыдущихъ конференцій рѣшено было, что каждая партія можетъ, кромѣ избраннаго на международномъ конгрессѣ делегата, послать въ международное бюро своего секретаря-корреспондента. Въ качествѣ такового я замѣнялъ товарища Плеханова на послѣдней конференціи, съ рѣшеніями которой я и намѣренъ познакомить вкратцѣ нашихъ товарищей.

Всѣ вопросы, подлежавшіе обсужденію конференціи, касались будущаго международнаго конгресса. Прежде всего, самый конгрессъ отложенъ на одинъ годъ, т. е. до 1904 г. Предложеніе объ отсрочкѣ конгресса было внесено Зингеромъ, мотивировавшимъ его предстоящей въ ближайшемъ году для нѣмецкой соц.-демократіи избирательной борьбой (въ 1903 г. предстоятъ выборы въ рейхстагъ, въ прусскій ландтагъ, а также коммунальные выборы во многихъ мѣстахъ Пруссіи), которая потребуетъ огромнаго напряженія силъ партіи и лишитъ ее возможности быть представленной достойнымъ для нея образомъ на международномъ конгрессѣ. Предложеніе Зингера почти не встрѣтило возраженій. Напротивъ, очень многіе делегаты выражали надежду, что конгрессъ въ 1904 г. будетъ болѣе внушителенъ, чѣмъ онъ былъ бы въ 1903 г. Указывали, между прочимъ, на то, что во многихъ странахъ происходитъ, какъ въ рядахъ пролетаріата, такъ и въ слояхъ, близко къ нему стоящихъ, броженіе, которое должно закончиться усиленіемъ рядовъ соціалистической партіи. Такія заявленія были сдѣланы голландскимъ делегатомъ Трульстра и представителемъ соц.-дем. федераціи Гайндманомъ. Послѣдній обратилъ вниманіе на новыя теченія въ средѣ англійскаго трэд-юніонизма, начинающаго понимать необходимость образованія политической рабочей партіи, и на огромный ростъ соціализма въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки. Съ своей стороны, и мы, русскіе, можемъ надѣяться, что до конгресса 1904 г. будетъ завершена та внутренняя организаціонная работа, которая теперь ведется въ нашей партіи, и мы явимся на конгрессъ, какъ представители одной партіи, объединенной фактически общей программой и тактикой.

Предложеніе Зингера было принято единогласно, съ той оговоркой, что окончательное рѣшеніе будетъ зависѣть отъ результата опроса всѣхъ партійныхъ организацій. Рѣшено было также, что отнынѣ расходы по устройству международныхъ конгрессовъ должны нести всѣ соціалистическія партіи, что каждый делегатъ на будущемъ конгрессѣ долженъ внести для покрытія этихъ расходовъ по 10 франковъ.

Другой пунктъ, вызвавшій оживленные дебаты и приведшій къ принятію предложенной Жоресомъ резолюціи, касался вопроса о международной политикѣ пролетаріата. Резолюція гласитъ:

„Международное бюро полагаетъ, что политическимъ партіямъ всѣхъ странъ и самому бюро необходимо заняться болѣе точнымъ и болѣе постояннымъ изученіемъ вопросовъ международной политики. Бюро считаетъ весьма важнымъ, чтобы на будущій конгрессъ въ Амстердамѣ соціалистическими партіями всѣхъ странъ были представлены доклады о международномъ положеніи, о народныхъ предразсудкахъ или правительственныхъ комбинаціяхъ, могущихъ служить угрозой миру, и о лучшихъ средствахъ къ уничтоженію вражды между народами и къ предупрежденію международныхъ конфликтовъ“.

Какъ видите, этотъ вопросъ будетъ въ той или иной формѣ дебатироваться и на будущемъ конгрессѣ, и будутъ нелишнее сказать пару словъ о томъ, какъ смотритъ на него самъ авторъ резолюціи. Говорю только объ авторѣ, потому что, насколько я могу судить, резолюція была принята какъ одно изъ тѣхъ добрыхъ пожеланій, которымъ особеннаго значенія не придаютъ, но противъ которыхъ много спорить не приходится. Другое дѣло — самъ авторъ. Кто слѣдилъ въ послѣднее время за писаніями и дѣятельностью Жореса, тотъ знаетъ, что онъ носится съ мыслью о всеобщемъ мирѣ и всеобщемъ разоруженіи. Это будетъ одинъ изъ тѣхъ кусковъ соціализма, которые мало по-малу вносятся въ жизнь и незамѣтно для насъ самихъ вводятъ насъ въ соціалистическій строй. До сихъ поръ международные конгрессы заявляли, что „милитаризмъ есть фатальный результатъ современнаго порядка вещей“, что только „созданіе соціалистическаго строя положитъ конецъ милитаризму и обезпечитъ окончательно миръ“. Но такое рѣшеніе, по мнѣнію Жореса, слишкомъ обще. Ему нуженъ готовый рецептъ на всякій данный случай, и онъ надѣется изъ международныхъ докладовъ почерпнуть весь матеріалъ, необходимый для его стряпни. Мы очень сомнѣваемся, чтобы выполненіе соотвѣтствовало желаніямъ Жореса. Можно быть увѣреннымъ, что никакихъ другихъ, кромѣ общихъ рѣшеній по вопросамъ о милитаризмѣ, о войнѣ и мирѣ, представители интернаціональнаго пролетаріата не примутъ и въ Амстердамѣ, и что та внушительная демонстрація пролетаріата, какой несомнѣнно будетъ Амстердамскій конгрессъ, гораздо больше приблизитъ насъ къ всеобщему миру, чѣмъ всѣ разсужденія объ этомъ предметѣ буржуазныхъ идеологовъ.

Брюссель, 31 (18) декабря 1902 г.

Б. Гинцбургъ (Д. Кольцовъ).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ „ИСКРЫ“.

Соц.-демократическое движеніе въ Россіи растетъ и ширится. Это признаютъ и враги его. Но активная соц.-демократическая работа до сихъ поръ носитъ на себѣ печать разрозненности и кустарничества. Мѣстные интересы, мѣстный колоритъ преобладаютъ надъ общими задачами. Въ области теоретической мысли въ нѣдрахъ соц.-демократической партіи замѣтно шатаніе и неустойчивость. Разбродъ мыслей и дѣйствій соц.-демократовъ въ значительной степени объясняютъ возрожденіе группы соц.-рев.; эта группа, хотя и называетъ себя соціалистической, но по существу является группой демократическихъ реформъ на основѣ буржуазнаго строя и способна затемнить въ умахъ многихъ конечную цѣль движенія пролетаріата, какъ класса. — Теперь для всѣхъ ясно, что настала пора размежеваться и придать соціал-демократическому движенію организованность и стройность. Необходимо создать сильную своею сплоченностью и принципіальнымъ единствомъ соц.-дем. партію. Эта партія должна стать во главѣ русскаго рабочаго класса и руководить его движеніемъ.

Исходя изъ этой мысли, Саратовскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи полагаетъ, что группа „Искры“ можетъ быть тѣмъ ядромъ, вокругъ котораго слѣдуетъ группироваться отдѣльнымъ соц.-дем ячейкамъ для организаціи и развитія общероссійской соц.-демократической партіи. Поэтому Саратовскій Комитетъ считаетъ необходимымъ признать „Искру“ своимъ партійнымъ органомъ и ставитъ себѣ въ непремѣнную обязанность помогать ей по мѣрѣ силъ. — Вмѣстѣ съ тѣмъ Саратовскій Ком. признаетъ существенно важнымъ, чтобы въ непродолжительномъ времени былъ созванъ общероссійскій соц.-демократическій съѣздъ или найденъ былъ какой-либо другой путь для окончательнаго рѣшенія вопросовъ организаціи и тактики партіи. — Признавая „Искру“ руководящимъ партійнымъ органомъ, Саратовскій Комитетъ полагаетъ, что назрѣваетъ жизненная потребность поставить на очереди вопросъ о расширеніи литературнаго дѣла партіи. Кромѣ руководящаго органа, необходимо создать общерусскую популярную рабочую газету. Рабочей массѣ необходимо дать подходящій матеріалъ, руководясь которымъ она сама дошла бы до желательныхъ для насъ революціонныхъ выводовъ.

Въ тѣхъ же цѣляхъ необходимо созданіе популярной брошюрной литературы. Во избѣжаніе недоразумѣній, Сарат. Ком. считаетъ необходимымъ заявить, что онъ вполнѣ присоединяется къ основнымъ принципамъ, высказываемымъ „Искрой“, расходится же съ ней по нѣкоторымъ второстепеннымъ вопросамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Саратовскій Комитетъ заявляетъ, что съ іюня 1902 г. въ Саратовѣ прекратилъ свое существованіе Саратовскій Соц.-Дем. Ремесл. Союзъ. Всѣ члены его вошли полностью въ составъ Саратовскаго Комитета. Въ сентябрѣ этого же года распалась „Объединенная группа соц.-дем. и соц.-рев. г. Саратова“. Соц.-демократическіе члены этой группы цѣликомъ вошли въ составъ Комитета. — Саратовъ, декабрь 1902 года.

Саратовскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Въ началѣ сентября этого года въ Одессѣ изъ мѣстнаго Комитета нашей партіи выдѣлилась группа лицъ и образовала самостоятельную организацію подъ названіемъ „Южнаго Революціоннаго Союза Соц.-Демократовъ“. Эта организація издала цѣлый рядъ прокламацій (манифестъ объ образованіи организаціи, Ко всему русскому народу, Къ новобранцамъ, Къ сельской интеллигенціи, 14 декабря), брошюры: „Голодъ и самодержавіе“ и „Къ ростовскимъ событіямъ“, съ послѣсловіемъ: „Чему учитъ ростовская стачка“. Отъ этой организаціи мы только что получили слѣдующее заявленіе: „Ю. Р. С. С.-Д. заявляетъ всѣмъ товарищамъ, что, сходясь во всѣхъ своихъ взглядахъ съ „Искрой“, считая насущной задачей нашей партіи возможно скорое и прочное объединеніе всѣхъ революціонныхъ силъ и видя въ „Искрѣ“ единственную организацію, способную довести до конца начатую ею громадную работу по организаціи партіи, Ю. Р. С. С.-Д., по предложенію „Искры“, рѣшилъ прекратить свое существованіе въ качествѣ самостоятельной организаціи и, сливаясь съ организаціей „Искры“, будетъ всѣми силами содѣйствовать ей въ ея организаціонной работѣ“.

Въ теченіе октября и ноября Нижегородскимъ Комитетомъ изданы слѣдующія прокламаціи: 1) „Къ обществу“ (судъ надъ демонстрантами) — печатная. 2) „Ко всѣмъ нижегородцамъ“ (о томъ же) печат. 3) „О солдатчинѣ“ (къ рабочимъ и крестьянамъ) — мимеограф. 4) „Судъ надъ сормовскими демонстрантами“ по поводу приговора надъ Заломовымъ и друг. — мимеогр.) 5) „Судъ надъ городскими демонстрантами“ (мимеогр.). 6) Отчетъ сормов. с. д. раб. организаціи (гектогр.).

Одной группой соц.-дем. (какъ намъ сообщаютъ, сибиряковъ) издана гектографированная брошюрка, содержащая проектъ партійной программы, выработанный редакціей „Зари“ и „Искры“, и обстоятельное введеніе, въ которомъ сочувственно характеризуется проектъ и дается общій обзоръ современнаго положенія революціонной соціаль-демократіи и ея задачъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ удачная попытка авторовъ брошюры точно и ясно опредѣлить свою „революціонно-пролетарскую точку зрѣнія“ и свое отношеніе ко всѣмъ современнымъ „экономическимъ“, „критическимъ“ и „соціалистско революціон.“ шатаніямъ.

Полтавскій Ком. Рос. С.-Д. Р. П. выпустилъ прокламацію къ полтавскимъ рабочимъ (помѣченную ноябремъ 1902 г.) по поводу ростовскихъ событій съ разъясненіемъ ихъ значенія и призываетъ къ нравственной и матеріальной поддержкѣ.

Насъ просятъ помѣстить слѣдующую резолюцію:

„Россійская учащаяся молодежь въ Бернѣ выражаетъ самое полное и самое искреннее сочувствіе свое ростовскимъ рабочимъ, которые своей энергической борьбой дали новое, блестящее доказательство политическов зрѣлости русскаго пролетаріата.

„Она считаетъ своей нравственной обязанностью всѣми своими силами служить дѣлу политическаго и экономическаго освобожденія этого пролетаріата, которое является въ то же время дѣломъ освобожденія всего трудящагося населенія Россіи“.

Свѣдѣнія о Персицѣ. Намъ сообщили, что провокаторъ Персицъ (см. о немъ № 24 „Искры“) запасся въ Женевѣ русскимъ паспортомъ, выданнымъ на имя Александра Кушелевскаго, крестьянина изъ Бѣлостока, 21 года отъ роду. Пусть примутъ это къ свѣдѣнію всѣ товарищи!

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Съ 6 на 7 дек. въ г. Харьковѣ были аресты. Арестованы: Павелъ Крафтъ, интел., Лагутинъ, интел., студ. унив.: Пустовойтовъ, Бабуникъ; студ.-техн. Ефименко, интеллигентки: Протопопова, Кириллова, Левандовская; акушерки Пузанова и Крамаровская, раб. Ивановъ. Высланы въ Восточн. Сибирь: Крушель, Антоновъ, Бакшеева. — 28 октября въ Черниговѣ были арестованы: г-жи Брегина (интел.) и Брандтъ (акушерка). Въ срединѣ ноября были освобождены. Были арестованы по провокаціи рабочаго Шостинскаго порохового завода, по фамиліи Рудый. Изъ слѣдствія оказалось, что обѣ онѣ совершенно непричастны къ дѣлу. 3 дек. въ томъ же городѣ арестована типографія, при этомъ взято двое мужчинъ и одна женщина (люди не мѣстные). Кромѣ того арестованъ въ ту же ночь ученикъ земской фельдшерской школы Мстиславскій. Всѣ четверо увезены въ СПБ. Открыта была типографія не мѣстными жандармами. Какъ была открыта типографія, точно неизвѣстно. Говорятъ, что прослѣдили одну даму, проѣзжавшую границу, и будто что-то везшую съ собою. Ее пропустили на границѣ и поѣхали вслѣдъ за ней. По слухамъ, взято 7 пудовъ шрифта и уже отпечатанныя прокламаціи. — Въ ноябрѣ въ Перми произведены обыски у служащихъ въ Губ. Упр.: Житковой (вторично) и Наумова. По распоряженію губернатора оба эти лица удалены со службы. Устраненъ отъ должности также статист. Владимірскій и г-жа Мутныхъ. Мотивъ увольненія тотъ, что названныя лица привлечены къ дознанію жандармскимъ управленіемъ. 10 дек. арестованы два воспитанника Промышл. Учил., но черезъ три дня выпущены.

Въ Тобольской губ. арестованъ еще въ августѣ отбывшій свой срокъ политическій ссыльный Пигнатій, пріѣхавшій сюда по своимъ дѣламъ. У него найдено при обыскѣ много адресовъ различныхъ лицъ. По всѣмъ этимъ адресамъ сдѣлано распоряженіе произвести обыски. Намъ извѣстно объ обыскѣ въ Орловской губ. у одного помѣщика, адресъ котораго былъ найденъ у Пигнатія. Гдѣ теперь Пигнатій и что съ нимъ, намъ неизвѣстно

Бѣжалъ изъ с. Вехне-Острожскаго, Балаганскаго уѣзда, и прибылъ заграницу Л. Стоцикъ. Былъ сосланъ туда до приговора по дѣлу Петерб. „Раб. Библіотеки“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Rb. Sp. Pn. Пришлите подробности. Вѣроятно, Вы правы

Zero. Дайте адресъ для отвѣта.

Мазепа. Корреспонденція получена. Спасибо.

Б. „Неудачный дебютъ“ и остальное получ., пойдетъ въ № 32.

1900. Мы не можемъ считать Васъ своимъ представителемъ, такъ какъ для этого требуется полная солидарность и работа исключительно для одной организаціи.

Насъ просятъ заявить, что Инсаровъ, читавшій рефератъ въ Женевѣ, не то лицо, которое помѣщаетъ статьи подъ этой фамиліей въ легальныхъ журналахъ.

Получено: изъ Карлсруэ съ веч. 92,60 мар., за лит. 25 фр., для ростовцевъ 125,45 фр., отъ гр. Берне 150 р., изъ Гейдельберга 260 фр., изъ Мюнхена 200 мар., съ реферата въ Цюрихѣ 25,70 фр., оттуда же за литер. 40,20 фр., въ пользу ростовцевъ чер. Ф. 50 фр., черезъ Юлія 5,40 фр., для Красн. Креста черезъ него же 10 фр., изъ Г. 155 мар. для „И“, оттуда же въ пользу ростовцевъ 56,20 мар., отъ новаго товарища 20 фр., изъ Льежа для ростовцевъ 35 фр., для нихъ же изъ Лондона 3 фунта (въ томъ числѣ изъ кассы русскаго рабочаго кружка 1 ф. 5 шил.), отъ Ч-евъ 50 р., отъ сибирскаго кружка 65 р., на Дитца отъ Г. на литературу 25 р. Отъ организаціи юга 20 руб., отъ Филиппа черезъ организацію Ю. 15 руб.

Къ этому номеру прилагается иллюстрированное приложеніе.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Paul Axelrod. Zürich, Vogelsangstrasse 9.

Типографія „Искры“.